

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ДЕБЮТНАЯ
ПОСТАНОВКА

Том 2

В каждом преступлении –
свой завершающий аккорд...

А.Марилина. Больше чем детектив. Новое оформление

Александра Марилина
Дебютная постановка. Том 2

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Дебютная постановка. Том 2 / А. Маринина — «Эксмо»,
2023 — (А.Маринина. Больше чем детектив. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-193503-0

Ошеломительная история о том, как в далекие советские годы был убит знаменитый певец, любимчик самого Брежнева, и на что пришлось пойти следователям, чтобы сохранить свои должности. 1966 год. В качестве подставки убийца выбрал черную, отливающую аспидным лаком крышку рояля. Расставил на ней тринадцать блюдец, и на них уже — горящие свечи. Внимательно осмотрел кушетку, на которой лежал мертвец, убрал со столика опустошенные коробочки из-под снотворного. Остался последний штрих, вишенка на торте... Убийца аккуратно положил на грудь певца фотографию женщины и полоску бумаги с короткой фразой, написанной печатными буквами. Полвека спустя этим делом увлекся молодой журналист Петр Кравченко. Легендарная Анастасия Каменская, оперативник в отставке, помогает ему установить контакты с людьми, причастными к тем давним событиям и способными раскрыть мрачные секреты прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193503-0

© Маринина А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Август 1969 года	6
Январь 1970 года	15
Осень 1972 года	19
Май 1973 года	22
Декабрь 1974 года	25
Октябрь 2021 года	32
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александра Маринина

Дебютная постановка. Том 2

© Алексеева М.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Август 1969 года

Михаил Губанов

Не все мечты имеют обыкновение сбываться, к сожалению. Но вместо несбывшихся мечтаний и неоправдавшихся надежд могут возникнуть неожиданные новые перспективы и возможности. Пусть не сразу, но, если набраться терпения, можно дожидаться. Главное – вовремя их заметить и не упустить.

С «мировой славой» в связи с ярким и быстрым выявлением преступника, убившего знаменитого певца Владилена Астахова, у Михаила не срослось. Громкой огласки дело не получило, в кулуарах полупешотом похвалили следователей Полицейского и Садкова, записали им в личные дела поощрения, а о Михаиле Губанове никто и не вспомнил. Правда, сам Михаил делал все возможное, чтобы все его коллеги оказались в курсе. Нет, до открытого хвастовства он не опускался, но при малейшей возможности упоминал о своей роли в раскрытии преступления, о том, каким наблюдательным и внимательным он оказался и как попал «в цвет» со своими предположениями и выводами, и что без его помощи следователи так и топтались бы на месте, не продвинувшись ни на миллиметр. Сначала купался в восхищенных и одобрительных взглядах, но очень скоро все сошло на нет: система сверху донизу бурлила от реальных перемен и от слухов о переменах мнимых, всем было не до личного успеха какого-то рядового следователя Губанова из обычного районного управления.

Дома, в кругу семьи, насладиться успехом в полной мере тоже не получалось, ведь он дал слово брату Николаю, что никто не узнает об участии Михаила в этом деле. Ни Юра, ни его друг Славик ни в коем случае не должны догадываться, что именно дядя Миша, брат Юркиного отца, посадил отца Славы. И мать, Татьяну Степановну, тоже хорошо бы держать неосведомленной, ведь ей каждое лето жить в Успенском, где наверняка найдется немало людей, которым она с гордостью расскажет про сына Мишу и которые начнут тыкать в нее пальцем и кричать на весь поселок: «Это твой сын нашего Витю посадил ни за что!» С Ниной и Ларисой можно было бы поделиться, они на даче бывают только наездами, проводят там мало времени и ни с кем особо не общаются, но... Бабы ведь! Языки без костей. Будут давать самые страшные клятвы, что никому не скажут, а уже через день, если не через час, и мать узнает, и Юрка. Тем более Татьяна Степановна Славу любит, а о его отце Викторе Лаврушенкове всегда отзывалась очень по-доброму. Нет, не разделит мама радость сыночка Мишеньки. А уж Юрка тем более не поймет. Все три года, что прошли после ареста Виктора, от племянника только и слышно: «Я не верю! Дядя Витя не мог такого сделать!» Дети... Что они понимают-то?

Оставаться на прежней должности и продолжать заниматься унылыми бытовыми преступлениями, кражами и уличными грабежами было скучно. Михаил злился, считая себя способным на большее, мысленно негодовал на тех, кто не ценит его, не видит огромный потенциал, не предлагает повышения. Николай мог бы помочь младшему брату, это само собой, но отчего-то не предлагал и даже не заговаривал о такой возможности, а просить Миша не хотел. Ни за что! Просить – это унижить себя. Сами должны оценить и сделать хорошее предложение.

И вдруг неожиданная удача свалилась прямо на голову: в начале февраля 1969 года издали приказ об образовании подразделений политико-воспитательной работы. А кого туда назначать? Да кто под руку попадется! Желательно, конечно, чтобы человек был уважаемый, да с опытом, да с правильной биографией, но где ж их в таком количестве набрать, чтобы хватило на каждый горрайотдел, областное или краевое управление, да еще и на все линейные отделения и отделы в транспортной милиции?

Михаил быстро сориентировался, где надо – намекнул, где надо – высказался прямым текстом. И оказался на должности заместителя начальника райотдела по политико-воспита-

тельной работе. Это был резкий скачок по карьерной лестнице: минуя должности старшего следователя, начальника следственного отдела – сразу в замначальники райотдела, на полковничью должность. Сперва на Губанова смотрели косо, завидовали мгновенному продвижению, за спиной перешептывались – мол, наверняка брат помог. Но разговоры быстро поутихли, как только Михаил показал, что он – свой парень, никому палки в колеса вставлять не собирается и будет помогать всем, кому сможет. Ведь что такое зам по ПВР? Это человек, без визы которого не состоится ни одно назначение, не уйдет ни одна характеристика. Постановка в очередь на жилье? Путевки на санаторно-курортное лечение? Присвоение очередного звания? Все через Михаила Андреевича. А уж если звание внеочередное, досрочное – то тем более! Поощрения и взыскания по комсомольской и партийной линиям – только с согласия капитана Губанова. От нового заместителя отныне зависела вся жизнь и карьера сотрудника милиции.

Через полгода на Михаила стали смотреть совсем иначе. Теперь его замечали. С ним считались. Его благосклонности добивались всеми правдами и неправдами, старались услужить и угодить, заглядывали в глаза, пытались уловить настроение и подгадать правильный момент для обращения с просьбой. «Хорошо, что его назначили, – говорили коллеги. – А то ведь как могло выйти? Поставили бы кого-то из своих «стариков», опытных профессионалов, – оголили бы участок оперработы. Привели бы кого-то со стороны – с ним не договоришься, он никого из нас не знает. А Миша – свой, разбирается, кто из нас что из себя представляет, в курсе всех наших проблем». Это было правдой, Михаил и в самом деле все про всех знал, поддерживал приятельские отношения со всеми на протяжении семи лет работы в этом райотделе.

Он начал чувствовать вкус власти и упивался этим.

Ни в одном коллективе не бывает монолитности, это всем известно. Всегда существуют как минимум две группировки, но, как правило, их больше.

Пару месяцев назад, в самом начале лета, назначили партсобрание, на повестку вынесли персональное дело старшины Дубового из дежурной части. Будучи помощником дежурного, Дубовой заступил на службу «с запахом» и позволил себе не вполне вежливое обращение с гражданином, который пришел заявить о том, что у него украли кошелек. Невежливость заключалась в том, что старшина Дубовой посоветовал этому гражданину обратиться не в райотдел, а в отделение милиции, находящееся ближе всего к месту кражи. Гражданин возмутился, ибо пропажу кошелька обнаружил буквально полчаса назад, когда находился именно здесь, рядом с райотделом, и не может знать, в какой момент и где именно его карманы незаметно облегчили. Может, в трамвае, а может, в магазине или вообще в толпе на улице. Тон разговора мало-помалу повышался, и заявитель вдруг почувствовал запах перегара, исходящий от старшины. Был вызван начальник дежурной части, составлена в письменном виде возмущенная жалоба на имя начальника райотдела...

И вот теперь предстояло разобрать на партсобрании недостойное поведение старшины, немолодого человека, опытного сотрудника, проработавшего в этом отделе два десятка лет и пережившего нескольких начальников.

Парторг райотдела пришел к Михаилу «готовить решение». Ну а как иначе-то? Не полагаться же на участников собрания. Кто его знает, чего они выкинут, как выступят и как проголосуют. Решение должно быть предсказуемым, следует обеспечить подготовленные выступления, чтобы голосование прошло как надо, а не как получится.

Парторг, сорокалетний старший опер, занимал жесткую позицию и считал, что Дубового нужно строго наказать. Лучше всего – исключить из партии, что автоматически повлечет за собой увольнение из органов.

– Министр очень строго относится к таким вещам, – убежденно говорил он Михаилу. – Милиция – лицо власти в глазах граждан, а дежурная часть – лицо всей милиции, он это неоднократно повторял. К дежурке предъявляются самые строгие требования. Как работаем мы, оперсостав, мало кто видит и знает, а дежурка у всех на виду, она – первое, с чем сталкива-

ется население, когда у людей что-то случается. Такое нельзя спускать с рук, Дубового следует наказать примерно, чтобы другим неповадно было. Пусть положит партбилет на стол, всем будет наука.

– Согласен, – кивнул Михаил. – Но ты подумай вот о чем: Дубовой – старожил у нас, он дольше всех здесь работает. Ты помнишь, при ком он начинал?

– Да я и не знаю, – пожал плечами парторг. – Какая мне разница? Это сто лет назад было, при царе Горохе.

– А ты в курсе, где теперь этот царь Горох, который принимал Дубового на службу?

Парторг, как выяснилось, не знал. Ни имени того Гороха, ни его нынешней должности. Михаил вздохнул, укоризненно покачал головой и провел краткий курс просветительской работы. Тот начальник, который привел в дежурную часть малограмотного, но старательного старшину-фронтовика, теперь работал в отделе административных органов Мосгорисполкома. И отношения с нынешним начальником райотдела у этого человека были весьма и весьма напряженными, чтобы не сказать больше.

– Ах вот ты кого имеешь в виду, – протянул парторг. – Ну да, наш полковник с ним на ножах, это точно. Мне говорили, что он когда-то был здесь начальником, но я его с Дубовым как-то не связал... А они что, родственники?

– Однополчане. Фронтовая дружба, сам понимаешь. Если обидеть Дубового, то нашему полковнику лучше не станет, сечешь?

– А по-моему, он только рад будет насолить отделу адморганов.

– Уверен? – прищурился Михаил.

– Ну да. А почему нет-то?

– Балда ты. Ну, насолит он, и что? Его и так в исполкоме не любят, а станут еще больше не любить. Кому от этого лучше? В исполкоме пойдут разговоры, что наш начальник решает кадровые вопросы исходя из личных симпатий и антипатий, а не из интересов службы. Для чего лить масло в огонь, когда можно, наоборот, песочком присыпать? Поддержим сейчас Дубового – нам в плюс пойдет.

– А министр?

– Да что тебе министр! – сердито прошипел Губанов. – Где он, этот министр? Он так высоко наверху, что ему Дубового и не видно, как и всю нашу контору районную. Министр вообще не москвич, в столице без году неделя, никого здесь не знает, и ему на нас плевать с высокой колокольни. А фронтовой друг из Мосгорисполкома нас всех очень даже видит, особенно тех, с кем когда-то служил и кого знает лично. Ты маленький, что ли? Ты не понимаешь, что нельзя всегда подыгрывать нашему полковнику? Отношения в нашем коллективе сложные, есть преданные руководству люди, а есть те, кто его терпеть не может. Друзья и враги, одним словом. И если все время играть в одни ворота, то другая команда может взбелениться. Тебе оно надо? Мы с тобой здесь для того поставлены, чтобы поддерживать баланс и не давать пожару вспыхнуть. Что тлеет – то пусть тлеет, но искры лететь не должны. Сегодня мы поддержим Дубового, а в следующий раз дадим поблажку человеку полковника. Покажем свою беспристрастность.

– Ну...

Парторг пожевал губами и, в конце концов, признал, что резоны замначальника по политико-воспитательной работе не лишены оснований.

– А начальник что на это скажет? – спросил он неуверенно. – Ты ему тоже будешь про баланс петь?

– Ну зачем же, – улыбнулся Михаил. – Я ему расскажу про тяжелую ситуацию Дубового. Он ведь почему выпил накануне? Знаешь?

– Нет.

– Именно что. Ничего ты о людях не знаешь. У него сестра померла. Девять дней поми-
нали. Ну как без рюмки-то? А на следующий день заступил на смену. Понятно, что запах был.
И понятно, что не сдержался, голос повысил, вежливость забыл. Наш старшина очень сестру
любил, они в войну всю родню потеряли: кто на фронте погиб, кто от голода и болезней умер.
Вдвоем остались, были друг к другу привязаны сильно. Помянул человек единственную остав-
шуюся родственницу, помянул по-русски, как положено, и его теперь за это из партии и со
службы гнать? Не по-человечески это.

Парторг в изумлении уставился на Губанова:

– А ты откуда все это знаешь? Дубовой рассказал? Так он тебя разжалобить хотел, а ты
и повелся. Не ожидал от тебя, Миша, вот честно. Сразу видно, что ты не опер.

Михаил расхохотался:

– Точно, я не опер. Это ты в самый корень зришь. Я политик и воспитатель. Это означает,
что я должен знать о сотрудниках все, что можно. Чем они живут, чем дышат, какие у них
трудности в личной и семейной жизни. Политику, друг мой, только так и делают: личными
связями и личной информацией. Без этого с людьми не управишься. Мотай на ус. Так что про
Дубового я давным-давно все знаю, я ему и матпомощь на похороны сестры помогал выбивать
в нашей бухгалтерии.

– Ну ты даешь, – протянул парторг и посмотрел на Губанова с нескрываемым уваже-
нием. – Столько лет тебя знаю, но даже не подозревал, что ты такой.

– Какой – такой? Я дружелюбный и понимающий. А какой еще?

Парторг не ответил, но взгляд его Михаилу не понравился. Нехороший был взгляд.

– Наверное, хочешь спросить, что такого интересного я про тебя знаю? Не волнуйся,
ничего. Мне ведь не нужно тебя воспитывать, ты – парторг, сам кого хочешь воспитать можешь.
И любую проблему решишь без моей помощи. Так что знать про твою жизнь мне без надоб-
ности.

Глядя на дверь, закрывшуюся за парторгом, Михаил скривился в усмешке. Уж кто-кто, а
этот человек – плохой опер, это точно. Поверил Губанову. Поверил, что зам по ПВР не собирает
о нем информацию. Как же, жди!

Он всё про всех знает. И только благодаря этим знаниям умело поддерживает тот самый
баланс, о котором толковал. До тех пор, пока противоборствующие силы находятся в равнове-
сии, капитан Губанов будет находиться у власти. Пусть у маленькой, смешной, на уровне всего
лишь одного района столицы, но все равно у власти.

Сладкой. Придающей его жизни смысл и вкус.

Только вот не напрасно ли он разговорился с парторгом насчет поддержания баланса и
сбора информации? Конечно, глупо было так откровенничать, ужасно глупо. Теперь Михаил
корил себя за несдержанность, за неуместное хвастовство. Не надо было ничего этого гово-
рить, ох, не надо было! Но очень уж хотелось выглядеть умным, дальновидным, оправдать
свое назначение, которое многим казалось просто вызывающим: в двадцать девять лет стать
заместителем начальника райотдела! Это же уму непостижимо! Хотя предыдущий министр,
Тикуннов, занял должность в сорок лет – и ничего, отлично справлялся, руководил огромным и
важным министерством, а тут всего лишь районный отдел, и этот аргумент тоже звучал, когда
обсуждали кандидатуру капитана Губанова. Представитель династии, милицейская семья, отец
служил в органах, брат и сестра служат, высшее образование, что немаловажно в свете новых
веяний...

«Зачем я разоткровенничался? – с досадой думал Михаил. – Идиот! Кто меня за язык
тянул?» Но в глубине души он прекрасно знал ответы: его распирало от осознания собственной
гениальности, когда в голове сложилась формулировка о поддержании баланса и об использо-
вании личной информации. Хотелось непременно с кем-нибудь поделиться, чтобы оценили
остроту ума, прозорливость, широту мышления. Хотелось хоть кому-нибудь доказать, что

он, капитан Губанов, по праву занимает свою новую должность, потому что действительно достоин, а не потому, что «династия и высшее образование».

С того дня прошло два месяца, и беспокойство, которое испытывал Михаил, понемногу улеглось. То ли парторг оказался не болтливым и никому ничего не рассказал, то ли не понял всю глубину губановской мысли, то ли не смог донести ее до других собеседников. Одним словом, обошлось. Ни одного косого взгляда, ни одной ухмылки в свой адрес Губанов не заметил.

Сегодня ему предстоял приятный вечер: поездка в аэропорт, чтобы встретить с рейса человека, который привезет ему маленькие, но полезные подарочки. Нет, это не Разумовский, ни боже мой. Лев Ильич – отработанный материал, он больше не нужен. Во-первых, ученые его специальности выезжают за рубеж довольно редко, хорошо если раз в два-три года на какой-нибудь высокоумный симпозиум. Во-вторых, он расстался с Ларисой. Ну, или она с ним, не суть важно. Главное, что роман завершился. Так что услугами Разумовского Миша успел воспользоваться только пару раз, но зато как эффективно! Помимо заграничных «сувениров» завел определенные знакомства. Всего-то и нужно было, встречая в аэропорту самолет, которым прилетал Лев Ильич, высмотреть среди пассажиров того же рейса кого-нибудь с большим багажом, вежливо и заботливо предложить помощь, поднести тяжелый чемодан до машины и попутно разговориться и произвести хорошее впечатление мягкими манерами, негромким голосом и обаятельной улыбкой. Это ведь не трудно, а результат может получиться очень хорошим. Да, не каждый раз, но через раз – точно. Паспортный контроль – дело долгое, ожидание багажа тоже, пассажиры одного рейса выходят не толпой, и от первого до последнего проходит достаточно времени, чтобы успеть «очемоданить» трех-четыре человека, из которых двое наверняка оставят свой номер телефона и с благодарностью предложат поддерживать знакомство. Какой бы ты ни был важной персоной, выезжающей в командировки за рубеж, а přátельствовать со следователем никогда не помешает, это все понимают.

Кроме того, существует такая полезная штука, как адресный учет. Не представляло ни малейшей проблемы выяснить, прописаны ли на территории района сотрудники МИДа, работающие за границей в составе дипкорпуса. И если прописаны, то есть ли в семьях дети. Взрослые молодые люди. Типа золотой молодежи. Уж этих-то всегда можно на чем-нибудь прихватить если и не по линии уголовного розыска или ОБХСС, то по линии комсомольской организации. А там и родители объявятся. Если в данный момент находятся за рубежом, то организуют телефонный звонок «сверху», а если приехали в столицу в отпуск или по делам, то и лично придут. Дальнейшее – дело техники, которой капитан Губанов овладел почти в совершенстве.

Что там замшелый ученый Лев Ильич Разумовский! Теперь в обойме у Губанова столько «выезжантов», что встречать рейсы приходилось каждый месяц. Сегодня, например, прилетает из Штатов доктор исторических наук, один из главных в стране специалистов по истории КПСС, автор учебников и монографий, лауреат Ленинской премии, участник подготовки материалов к трем съездам партии. Вот уж кто без конца катается по всему миру! Его посылают на все конгрессы коммунистических сил, на съезды всех компартий, в том числе и капиталистических стран. И в Англию, и во Францию, и в США, и в Латинскую Америку.

Встречающих рейсы из-за рубежа всегда очень много. Во-первых, не на автобусе же переться человеку, побывавшему за границей! Значит, нужны машина и водитель. Во-вторых, встретить того, кто прилетел «оттуда», это целое событие для семьи и друзей. Обнять человека, который еще несколько часов назад дышал «тем» воздухом, первыми выслушать его рассказы о впечатлениях, первыми увидеть привезенные сувениры и всякие красивые мелочи, а порой и не мелочи вовсе. Одним словом, праздник!

Михаил приехал вовремя, минут за десять до указанного в расписании времени прибытия рейса, но, к своему огорчению, услышал объявление, что рейс запаздывает на полчаса. Деваться было некуда. Он вышел наружу, выкурил две сигареты, вернулся и занял место,

откуда хорошо были видны ворота, через которые выходили пассажиры. Тех, кто встречал ученого-историка, Губанов приметил давно, он их уже неоднократно видел и был знаком: немолодая надменная жена и симпатичная, модно одетая дочка лет тридцати пяти, которую папаша пристроил на непыльную, но хорошо оплачиваемую должность в Госплане. Поймав рассеянный взгляд супруги, улыбнулся и помахал рукой, спустя пару минут подошел поздороваться, справиться о самочувствии. Дама цедила слова сквозь зубы, а дочка, напротив, поддерживала разговор вполне благожелательно и завела ни к чему не обязывающую беседу об автомобильных проблемах. Права у нее были, но своей машиной она пока не обзавелась, зато отцовскую «Волгу» водила лихо и при каждом удобном случае. Вообще-то она нравилась Михаилу, тем более была свободна после недавнего развода, но ухаживать и даже просто проявлять знаки повышенного внимания он не собирался. Зачем ему эта девица, упакованная с ног до головы, да еще и старше на несколько лет? Даже если удалось бы ее захомутать, Миша превратится в примака в обеспеченной высокопоставленной семье и на него станут смотреть как на вошь, случайно попавшую в дорогой импортный сапог. Нет, такое положение ему совсем не улыбается. Жену он себе подберет такую, чтобы в рот смотрела и считала за великое счастье выйти за него замуж и верно ему служить. Молодую, глуповатую и непритязательную, но при этом красивую. Да и не к спеху ему, успеет еще. Чем крепче будет его профессиональная позиция, чем выше должность и звание, тем шире окажется круг молодых заинтересованных девчонок, из которых можно будет выбирать. А уж он выберет такую – все передохнут от зависти.

В зоне прилета душно, на улице стоит жара, не ослабевшая даже к вечеру, Михаил потел в форменном кителе, и, когда появился элегантный улыбающийся специалист по истории партии с большим чемоданом и сумкой, Губанов был уже весь мокрый. Ему хотелось как можно скорее выйти из здания аэропорта, но пришлось терпеливо ждать еще несколько минут, пока прилетевший и встречающие закончат обниматься и целоваться. Наконец историк обратил на Мишу благосклонный взор.

– Михаил Андреевич, – он торжественно раскрыл большую дорожную сумку и вытащил яркий пластиковый пакет, – ваша скромная просьба выполнена.

Михаил торопливо сунул пакет в портфель, который взял с собой именно на такой случай. Когда ты в форме, в руках не должно быть ничего, кроме портфеля, папки или планшета. А уж яркий пакет – грубейшее нарушение.

Супруга недовольно скривилась и сварливо заметила:

– Скромная просьба оказалась довольно крупной.

Ну, это как всегда. Женщине ужасно не нравилось, что ее муж тратит валютные командировочные на какого-то безродного знакомого. Лучше бы лишний флакон духов привез или пару туфель.

– Я просил только модную оправу для очков, – поспешно произнес Михаил. – Для жены моего брата. Она плохо видит, а наши оправы такие некрасивые. Хочу сделать ей подарок ко дню рождения.

– Там и оправы, и кое-что еще от меня лично, – довольным голосом прогудел историк. – Не думайте, что я не умею быть благодарным.

При этих словах он бросил очень выразительный взгляд на супругу. Ее племянник не так давно попал в неприятную историю, и Губанов сделал все от него зависящее, чтобы помочь. Видимо, надменная и известная своей жадностью дама быстро забыла, кому обязана спасением родственника от уголовной статьи. А муж нашел возможность напомнить ей.

Дочка молчала с безразличной улыбкой, но по ее лицу было видно, что она все понимает и ей неловко за мать. «Хорошая она баба, – уже в который раз подумал Михаил. – Жалко, что не такая, как мне надо».

– Ну что, на выход? – радостно скомандовал историк. – Миша, пойдемте, мы вас подвезем до дома.

Еще чего не доставало! Разумеется, Михаил с удовольствием прокатился бы на автомобиле вместо того, чтобы трястись в автобусе, потом на метро, но для отказа у него имелись как минимум две причины. Первая: ему совсем не улыбалось находиться в тесном пространстве вместе со скупой дамой, которая его откровенно недолюбливает. И вторая: в данный момент он собирался ехать вовсе не домой. Разве можно держать свои импортные сокровища в квартире, где кроме него живут еще мать и сестра? Да, у него отдельная комната, но мать же делает уборку каждый день, да и Нинка не страдает излишней деликатностью, запросто заходит к нему, роется в шкафу или в письменном столе, если ей вдруг что-то понадобится. Иногда он сам делает подарки, например, красивый платок или шарфик маме, губную помаду или тушь для ресниц сестре. Слово «достал» подозрений не вызывает, если употреблять его не слишком часто. Но держать дома блоки американских сигарет, бутылки заморского спиртного, пластинки с записями самых модных западных певцов и групп и прочие «сувениры» совершенно неправильно. Для этого у Миши есть «гнездо». Друг из директорской «сталинки» уже вернулся из армии, так что не было больше регулярных обедов со старушками Вениаминовнами, хотя Губанов и продолжал то и дело заходить к своему товарищу. Если везло и совпадало по времени, то оба получали приглашение к столу. Однако ж место для расслабления пришлось менять. Подвернулось удачное знакомство с семьей сотрудника дипмиссии, и Михаил получил ключи от квартиры, которой можно было аккуратно пользоваться, пока хозяева вместе с малолетними детьми несли службу Родине на жаркой далекой дружественной Кубе.

Конечно, не случилось бы ничего из ряда вон выходящего, если бы Губанов сказал, что ему нужно не домой, а в другое место. Он взрослый человек, при хорошей должности, офицер милиции, мало ли какие дела у него могут быть. Но Миша страшно не любил давать кому бы то ни было информацию о себе сверх строго необходимого. При одной только мысли, что кто-то знает о его частной жизни что-то лишнее, он начинал чувствовать себя голым посреди площади. Однажды он все-таки дал слабинку и поехал вместе с семейством историка, который любезно предлагал подвезти Мишу каждый раз, но тот обычно отказывался. Очень уж он был усталым в тот день, да и подарки получил не такие, чтобы их прятать вне дома, они предназначались маме, Нине и Ларисе к Восьмому марта. Того единственного раза было достаточно, чтобы историк узнал, где живет Михаил Губанов. Так что выдать адрес «гнезда» за свой домашний никак не выйдет.

Он вежливо поблагодарил за приглашение, подхватил тяжеленный чемодан и проводил семью историка до машины, удачно припаркованной совсем рядом с выходом из здания. Помогая загрузить вещи в багажник, бросил ненароком взгляд на мужчину, который показался смутно знакомым. Мужчина стоял у выхода и лениво, как-то незаинтересованно смотрел на рассаживающихся по машинам и автобусам пассажиров. Стройный, среднего роста, в сером костюме. Обыкновенный, ничем не примечательный. Кроме одного: костюм сидел на нем как влитой. «Рожа наша, точно не иностранец. А вот костюмчик определенно не фабрики «Большевичка». Или заграничный, или сшит у нас в закрытом ателье. В обычном ателье так не сошьют. Хотя про костюмы, кажется, говорят «строят», а не «шьют»... И почему на мне костюмы так стильно не сидят? Вроде не кривой, не хромой, не горбатый, а в костюмах, купленных в наших магазинах, выгляжу, как чучело, – с завистью подумал Михаил. – Хорошо, что форменный китель с погонами спасает».

И все-таки: где же он видел этого мужчину? Почему его лицо кажется знакомым?

Он простоял на остановке автобуса не меньше десяти минут, когда рядом, из-за спины, раздался негромкий голос:

– Товарищ капитан?

Михаил вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стоял тот самый тип в хорошем сером костюме и сдержанно улыбался. И в эту самую секунду Губанов вспомнил, где видел его. В

аэропорту. В толпе встречающих. Но не сегодня. И не один раз, а как минимум два или три, но два – точно.

Внутри похолодело. «Комитетчик, – понял он. – Из наружников, наверное. Отсматривает, кто кого встречает, кто с кем общается, особенно если встречающий такой, как я: не член семьи, не близкий друг, не едет вместе со всеми, а что-то забирает и уходит. Черт...»

– Слушаю вас.

Михаил старался говорить спокойно и невозмутимо, но голос предательски дрогнул.

– Уделите мне несколько минут, – вежливо попросил незнакомец.

– Но я на автобус...

– Ничего, я на машине, отвезу вас, куда скажете.

Тон у него был настолько уверенным и убедительным, что Губанов ни на мгновение не усомнился в наличии соответствующего служебного удостоверения во внутреннем кармане отлично сшитого серого пиджака. Поэтому, когда спустя несколько секунд это удостоверение было предъявлено, Миша даже не удивился.

Разговор, состоявшийся в машине по пути к центру Москвы, был негромким, вполне дружелюбным и носил характер скорее отеческого увещевания, нежели запугивания. Дескать, все мы – живые люди, у нас самые разнообразные потребности, и нет ничего зазорного в том, чтобы стремиться чем-то порадовать близких и друзей, да и самого себя побаловать, но офицеру милиции следует блюсти свое реноме, проявлять предусмотрительность и уж в любом случае не рассекать по зоне прилета в форменной одежде, сверкая погонами, когда прибывают международные рейсы. Что подумают иностранные гости? Что советская власть чувствует себя неуверенно, в каждом гражданине зарубежной страны видит потенциального противника и расставляет через каждые пять метров по милиционеру, чтобы не допустить вражеских инсинуаций. А это ведь в корне неверно. СССР твердо стоит на пути к коммунизму, никакие происки капитализма ему не страшны, наша страна всегда рада любым зарубежным гостям и готова принять их с открытой душой. Ведь правильно?

Однако все-таки не очень хорошо, когда замначальника столичного райотдела внутренних дел проявляет такой повышенный интерес к предметам, произведенным на загнивающем Западе. Наши товары, сделанные на советских заводах и фабриках, ничуть не хуже, а зачастую даже и лучше. Низкопоклонство перед буржуазными странами не к лицу офицеру советской милиции. Если предать это огласке, то выйдет некрасиво. И для карьеры не полезно. Но ведь никто не узнает, правда? Моральный облик заместителя начальника по политико-воспитательной работе не может и не должен подвергаться сомнению. А вот моральная устойчивость других сотрудников райотдела нуждается в оценке.

– Вы согласны, Михаил Андреевич?

Попробовал бы он оказаться не согласным...

– Я видел вас в аэропорту три раза, – сказал Губанов. – А вы меня только сегодня заметили?

– Ну почему же только сегодня? – Краешки губ сидящего за рулем человека в сером костюме дрогнули в полуулыбке. – Если вам нужна точность, то я видел вас в середине февраля, число не припомню, затем в канун Восьмого марта, потом дважды в апреле, по одному разу в мае и июле. Вас трудно не заметить, вы всегда в форме. Почему вы не ходите в штатском, когда не на службе?

– Я прямо со службы приезжаю, – буркнул Михаил. – У меня нет времени съездить домой переодеться, работы очень много, не успеваю.

– Конечно. Я понял. Так куда вас отвезти? Домой или на квартиру Кульмиса?

Губанов оторопел. Кульмис был тем самым сотрудником советского посольства на Кубе. Выходит, комитет не только зафиксировал постоянные появления Михаила в аэропорту, но и отследил его передвижения. Круто работают! Мышь не проскочит.

Ему стало неуютно и очень страшно. Намек про оценку моральной устойчивости сотрудников милиции был настолько прозрачен, что не понять его мог только полный придурок. А Миша Губанов очень, ну просто очень не любил выглядеть недостаточно умным.

– К Кульмису, – ответил он. – Если вы зайдете вместе со мной, мы сможем выпить по чашке кофе или чего-нибудь покрепче и продолжить разговор. Не возражаете?

– Принято, – широко улыбнулся «серый костюм».

Январь 1970 года **Николай Губанов**

Славик лихо съехал с горки, хотя и заметно зашатался на самом крутом участке спуска. А вот Юрка все-таки завалился в сугроб и неловко пытался снова встать на лыжи. Когда мальчишки, хохоча, подъехали к Николаю, их лица были мокрыми от пота и снега, щеки пылали здоровым румянцем, глаза сверкали от удовольствия.

– Теперь ты, – сказал Юрка отцу, с трудом переводя дыхание.

– Смотри внимательнее, – строго наказал Николай. – Славик уже все понял и едет правильно, а ты не работаешь корпусом.

Он «елочкой» взобрался на довольно высокую горку, убедился, что сын смотрит в его сторону, и начал спуск. Морозный воздух щипал лицо, снежинки попадали в рот, и Губанов вдруг подумал, что никогда в жизни не был так счастлив, как в последние два года. И сегодняшний день – как апофеоз восторга, радости и надежд.

– Здоровски вы катаетесь, дядя Коля, – с завистью проговорил Славик Лаврушенков. – Мы с Юркой тоже так научимся. Скажи, Юрок?

– Само собой, – деловито подтвердил Юра.

У него уже ломался голос, поэтому парень иногда говорил басовито, по-взрослому, а иногда пускал петуха или смешно скрипел. У Славика голос был еще детским, чистым и звонким, ведь он на целый год младше Юры, зато ростом вымахал не по возрасту, почти на пять сантиметров обогнав своего друга, да и в плечах стал пошире.

– Так, пацаны, давайте еще по три спуска – и на платформу, а то электричку пропустим, –скомандовал Губанов.

Зимние каникулы мальчики проводили вместе, встречались каждый день. То Юра ездил в Успенское, то Славик приезжал в Москву и оставался ночевать у Губановых. Каникулы длинные, почти две недели, выходные выпадали целых два раза, и Николай Губанов с удовольствием проводил эти свободные от работы дни с сыном и его другом. Ходили в парк Горького на аттракционы, в кафе-мороженое, в кино, на каток, ездили, как сегодня, за город кататься на лыжах.

В январе темнеет рано, в четыре уже смеркается, а в пять совсем темно, поэтому многочисленные лыжники, проводившие выходной день на природе, возвращались в Москву не вечером, как дачники летом, а намного раньше. Николай с мальчиками с трудом втиснулся в набитый вагон, оккупированный студентами, судя по веселым громким разговорам – однокурсниками. Они остались ютиться в тамбуре, потому что на каждой остановке кто-то входил, и была велика опасность, что в Успенском Славка просто не сможет выбраться наружу.

Когда электричка замедлила ход, Юра сказал:

– Завтра как договорились? Приедешь?

– А то! – бодро отозвался Славик. – Последний день перед школой надо провести так, чтобы было о чем вспомнить.

Он выбрался наружу, обернулся и помахал старшему и младшему Губановым.

– О чем собираетесь вспоминать? Какой план на завтра? – спросил Николай.

– Пойдем на «Последнюю реликвию».

– Да ты, по-моему, уже два раза этот фильм смотрел!

– Ну и что? Он классный. Тебе жалко, что ли?

Губанов сразу почуял, что сын ошетинился и собрался то ли обидеться, то ли нагубить. Господи, из-за такой ерунды! Вот он, переходный возраст. Никогда не угадаешь, какую реакцию вызовут самые невинные слова.

– Наоборот, я рад, что вы со Славиком завтра снова встретитесь. И вообще я рад, что у тебя есть такой замечательный товарищ.

Он помолчал, потом добавил:

– И хорошо, что ты у него есть. Ему ведь очень трудно, я понимаю. Мы с тобой много раз об этом говорили. Хорошо, что ты рядом с ним все эти годы.

– Пап...

Юра заговорил осторожно, и в голосе его уже не слышалось той детской агрессивности, которую еще несколько секунд назад уловил Губанов.

– Что, сынок?

– Славка не верит, что дядя Витя мог... ну... сделать такое.

– Я знаю, сынок, мы с тобой это неоднократно обсуждали. И со Славиком я об этом говорил.

– А ты?

– Что – я?

– Ты веришь?

– Нет, сынок, не верю, – твердо ответил Николай. – Дядя Витя хороший человек. Но в жизни, к сожалению, очень часто случается, что мы считаем человека хорошим, потому что слишком мало знаем о нем. А потом, когда он совершает плохой поступок, удивляемся и не верим. Ты спроси у дяди Миши или у тети Нины, они тебе расскажут, сколько раз родители приходили к ним и говорили, что их сын не мог сделать ничего плохого, потому что он чудесный мальчик. Родители обычно видят в своих детях только самое лучшее, а плохого не замечают. И дети в своих родителях тоже видят только хорошее.

– Так я не понял: ты веришь или нет? Ну, про дядю Витю.

– Конкретно про дядю Витю – нет, не верю. Но вера – это такая штука, сынок... Ненадежная. Были доказательства, работал следователь, и не один, потом состоялся суд. Вряд ли все они ошиблись.

– Но могли? Могли они ошибиться? – упрямо допытывался Юра.

– Я не знаю. Они живые люди, а каждый человек может совершить ошибку.

– Значит, я докажу, что все они ошибались, – с недетской убежденностью заявил Юра. – Вырасту, стану самым лучшим сыщиком, найду настоящего преступника и докажу, что дядю Витю посадили неправильно.

– Его не посадили, – мягко возразил Губанов. – Он находится в специальной больнице на принудительном лечении, он нездоров.

– Все равно я докажу.

Лицо сына словно закаменело, по-детски пухлые губы превратились в твердую складку.

– Это правильно, сынок, – одобрительно кивнул Николай. – Если сомневаешься – нужно идти до конца и проверять все до мелочей. Но тебе придется очень и очень стараться, если хочешь стать по-настоящему лучшим в раскрытии преступлений.

– Постараться? А как?

– Нужно очень много учиться. Нужно много знать и много уметь.

– Что уметь? – с жадным любопытством спросил паренек. – Драться? Стрелять? Приемчики всякие?

– И это тоже. Но приемчики и стрельба – не главное. Возьми, к примеру, того же дядю Витю: разве для того, чтобы его поймать, нужно было драться или стрелять? Запомни, сынок: хороший сыщик должен быть очень умным, у него должно быть быстрое и гибкое мышление. А для этого нужно постоянно тренировать мозги. Нужно уметь за долю секунды отделить главное от второстепенного, не упустить ни одной мелкой детали, потом сопоставить их, сделать вывод и выработать линию поведения.

В глазах сына Николай явственно видел недоверие. Значит, нужны понятные и доходчивые примеры.

– Ты помнишь, мы вместе смотрели «Адъютант его превосходительства»?

– Конечно! – оживился Юра.

– Вот Павел Андреевич Кольцов. Ты только вспомни, как он говорил, как ходил, как вел себя. Образованный человек, воспитанный, его в кругу белогвардейцев принимали за своего. А был бы он малограмотным и грубым, разве смог бы выполнить задание?

– Так он же разведчик был, а не сыщик! Там перед кино специально сказано, что посвящается первым чекистам.

– А какая разница, разведчик или сыщик? Пойми, сынок, и те и другие работают, чтобы раздобыть нужную информацию. Только разведчики ищут информацию о том, что задумали наши враги, а сыщики – о том, что задумал или сделал преступник. Содержание информации разное, но методы одни и те же. Потому что эту информацию нужно раздобыть у того, кто ею обладает. То есть нужно сообразить, кто может знать то, что тебе нужно, а потом придумать, как заставить его рассказать. Вот и все. Нужно уметь разговаривать с людьми, правильно понимать то, что они говорят и как себя ведут, замечать, где они лгут, а где говорят правду, и правильно выстраивать собственную линию поведения. Никакими другими способами преступление не раскрыть, можешь мне поверить.

Всю оставшуюся дорогу до Москвы Николай Губанов с удовольствием и энтузиазмом объяснял сыну, насколько важен для работы сыщика большой объем самых разнообразных знаний, не имеющих на первый взгляд ни малейшего отношения к преступности и вообще к чему бы то ни было криминальному. Потому что источником важнейшей информации может оказаться кто угодно, от бомжа-алкоголика до философа-академика, и нужно уметь наладить с ним контакт, подобрать ключик, вызвать доверие, а это совсем не так просто, как кажется на первый взгляд. Кроме того, Губанов был твердо убежден, что знания из самых разных областей если и не принесут практической пользы, то в любом случае дисциплинируют мышление, заставляя его двигаться в разных направлениях и быстро переключаться.

Он говорил, стараясь не сбиваться на казенный язык, которым пользовался, составляя бесчисленные документы, докладные и аналитические записки. Писанины теперь у Губанова много: новый министр задал курс на повышение интеллектуального уровня сотрудников милиции, их культуры и профессионального мастерства, а также на широкое использование достижений науки и техники и развитие научных исследований внутри самого ведомства. Карьера Николая Андреевича Губанова резко пошла вверх, он оказался одним из тех, кто стоял у истоков этого нового курса, руководство вспомнило его рапорты и докладные, которые всего какой-нибудь год назад казались неуместными и ненужными, вызывали скептические улыбки, а порой и издевательский смех. Министр Щелоков, разобравшись в течение первого года с существующим положением дел, пришел к выводу, что необходимо кардинально менять всю концепцию борьбы с преступностью. И в первую очередь следует откровенно признать, что эта борьба не ограничивается одной только охраной общественного порядка и силами общественности тут никак не обойтись. Нужно прекратить практику «комсомольско-партийных вливаний» в кадровый состав и начать готовить высокообразованных сотрудников. Потому что главное – это на самом деле профессионализм, а вовсе не энтузиазм и шапкозакидательство.

Работа шла на протяжении всего 1968 года. Работа напряженная и кропотливая. И не всем нравилась новая политика министра. Постоянно возникали конфликты, сторонники старого курса были недовольны, считали себя ущемленными, не верили в новые перспективы, старались подсадить или подставить тех, кто поддерживал идеи и устремления Щелокова.

Но вот все сбылось! В ноябре 1968 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению». В нем были изложены все те соображения, над которыми целый год трудились в

министерстве по указанию Щелокова. Николай Губанов, к тому времени уже майор, с трепетом читал текст постановления, узнавая в отдельных местах собственноручно написанные им фразы и приведенные цифры. Они работали не зря! И мечтали не напрасно.

Недели не прошло, как вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР: Министерство охраны общественного порядка переименовано в Министерство внутренних дел. И через два с небольшим месяца правительство страны утвердило новую структуру министерства. Теперь каждое управление занималось своим делом и появилась возможность специализации милицеских служб. А коль есть четко определенная специализация, то следующий шаг – профильная подготовка кадров именно для конкретных служб, а не для милиции «вообще», как было раньше. Майор Губанов был счастлив, ведь он уже давно продвигал необходимость специальной подготовки сотрудников. В одной высшей школе будут готовить оперативников для уголовного розыска, в другой – оперативников для службы БХСС, в третьей – следователей, в четвертой – сотрудников ГАИ, в пятой – работников исправительно-трудовых учреждений. У каждого учебного заведения своя специфика, свой набор дисциплин. Даже ведутся разговоры об организации отдельной школы для подготовки сотрудников политико-воспитательных аппаратов. Тоже нужное дело. А то вон брат Миша: был плохим следователем, потому что учился кое-как, без интереса, а теперь занимается политико-воспитательной работой, хотя какой из него воспитатель? Ничего не знает, не умеет толком, за всю жизнь хорошо если полторы книги прочитал, кроме учебников, да и учебники-то изучал халтурно, по диагонали, лишь бы на уроке или на экзамене как-нибудь ответить. Ну, дай бог, скоро с подготовкой кадров все наладится.

И, как завершающий аккорд, летом того же года вышел Приказ МВД СССР о введении обмундирования нового образца. Теперь сотрудники милиции ходили в форме другого фасона и темно-серого цвета, а не темно-синего, как раньше.

Вот она, новая милиция! Откроют новые высшие школы, подготовят новую когорту образованных и умелых сотрудников, поддержат научные разработки – и борьба с преступностью выйдет на совершенно иной уровень. Науку нынче ценят, уважают. Теперь начальник Главного управления уголовного розыска не кто-нибудь, а настоящий ученый, доктор юридических наук, специалист в области преступности. Уж какими коврижками министр сумел заманить на эту должность директора Научно-исследовательского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности – никому не ведомо, а только результат налицо: вчера еще был директором института и профессором, а сегодня – главный сыщик страны!

Электричка въехала в город. «Если Юрка не передумает и не утратит интереса, то поступать будет в семьдесят третьем году, – думал Губанов, глядя на мелькающие за стеклом вагонной двери огни вечерней Москвы. – К этому времени уже создадут новые школы, напишут новые учебные программы и планы, наберут квалифицированный педсостав, переманят с гражданки кандидатов и докторов наук. Будет кому учить ребят. Как хорошо!»

Осень 1972 года

Антонина Губанова

Проснулась минут за пять до звонка будильника, сладко потянулась. Из кухни доносился сладковатый запах жарящихся оладий с яблоками. И как только маме удастся просыпаться так рано? Сама Нина спала бы каждый день часов до одиннадцати, если бы не работа. Но в такие дни, как сегодня, она просыпалась без всяких звонков: внутренние часики неумолимо отсчитывали время и требовательно напоминали о том, что проспять никак нельзя. Парикмахерская открывается в семь утра, и если без десяти семь не стоять под дверью, то в пять минут восьмого уже может не оказаться свободного кресла. В канун ноябрьских праздников во всех организациях, на всех предприятиях проходят торжественные собрания, посвященные очередной годовщине Октябрьской революции, и дамы из парткомов, профкомов, всякие начальницы и прочие садятся на сценах в президиумы. Не говоря уж о тех, кого будут вызывать, объявлять победителями соцсоревнования и награждать грамотами за добросовестный труд. В такие дни число женщин, желающих явиться на работу при полном параде, зашкаливает, и всем ведь нужно сделать прическу именно с раннего утра, чтобы к девяти часам быть на месте.

У Нины на службе торжественное собрание запланировано на послезавтра, но награждать ее в этот раз не собираются, ей на майские праздники уже вручили грамоту. В этом году в ноябре не только пятьдесят пятая годовщина Революции, но и 55 лет советской милиции отмечают, финансирование на премии выделяют солидное, и награждать будут тех, кто позначительнее, рангом повыше. Распределение наград и поощрений – дело тонкое, политическое, уж этот-то нюанс Нина давно усвоила. На майские получила – будь довольна и в ближайшие год-полтора ничего больше не жди. Так что в день собрания парадный вид не очень-то и нужен. Зато сегодня – обязательно. Сегодня очередное заседание комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкоме, где Антонине Андреевне Губановой предстоит докладывать материалы о трудных подростках и о мерах по борьбе с безнадзорностью. Когда эти комиссии только создали, пять лет назад, на заседания первое время ходило начальство, но постепенно накал ответственности за новое дело снизился, и теперь обязанность присутствовать прочно закрепилась за старшим инспектором Губановой. Нина очень старалась соответствовать, оправдать доверие и не ударить лицом в грязь. Ведь исполком же! А в исполкоме – работники не только женского, но и мужского пола. Конечно, они почти все женатые, но именно что почти. Можно найти и вполне подходящего холостяка. А что такого? Ей двадцать шесть лет, она кандидат в члены партии, характеристики отличные, на работе Нину ценят, уважают – вон какое дело доверили. Для исполкомовского работника невеста она – хоть куда! Ну да, без институтского диплома, зато на личико красивая и фигурой статная. Придется, наверное, признать, что Мишка был прав, когда нудел про высшее образование. Весь мозг ей промыл, заставил-таки отучиться два года в педучилище, получить бумажку о средне-специальном образовании. Бумажка помогла, что было – то было, не признать нельзя. Новая политика министерства очень поощряла образованных сотрудников. Так что Нина теперь считалась пусть и младшим, но офицерским составом. И детские комнаты милиции обрели более солидное название: инспекции по делам несовершеннолетних. Эх, знала бы заранее, что получит шанс искать мужа в среде ответственных работников, озаботилась бы институтом. Мишка отучился на заочном – и ничего, не лопнул от напряжения, так неужели она не справилась бы? Впрочем, еще не поздно, ей всего двадцать шесть. Надо будет – решит вопрос, у нее еще столько лет впереди!

Нина быстро умылась и ринулась на кухню завтракать. От резкого движения хлопнула дверь ванной.

– Тише! – недовольно зашипела мать. – Мишу разбудишь.

– Перебьется твой Миша, не барин, – легкомысленно ответила Нина, усаживаясь за стол. – Ты вообще ни свет ни заря вскакиваешь, а его жалеешь.

– Я и тебя жалею. Зачем ты волосы обрезала? Когда были длинные – накрутила на бигуди, легла спать, а утром как куколка. Так нет, нужно было обязательно стрижку сделать, а теперь покоя нет, мчишься в свою эту парикмахерскую, вместо того чтобы поспать лишний часик.

Нина судорожно запихивала в себя горячие оладьи, политые сметаной и вареньем, не забывая посматривать на часы. Спасибо партии и правительству за активное строительство метро, теперь не нужно тащиться на автобусе до ближайшей станции, и экономия времени выходила очень солидная, целых сорок минут. Если бы не метро, она бы ни за что не успевала с прической.

– Мам, у меня сегодня исполком, я же тебе говорила, – сказала она с набитым ртом. – Нужно прилично выглядеть.

– Замуж тебе нужно, а не прилично выглядеть, – вздохнула Татьяна Степановна. – Думаешь, я не понимаю? Кого ты там найдешь в своем исполкоме? Все семейные, солидные, серьезные люди. Поискала бы среди своих лучше. Вот Гришенька какой славный мальчик! Чем он тебе не угодил?

– Да он лимита, – рассмеялась Нина. – Ты что, мам? Ему вообще все равно на ком жениться, лишь бы московскую прописку получить.

Григорий ухаживал за Ниной трогательно, смотрел на нее восторженными влюбленными глазами, но девушка, хотя и принимала эти ухаживания, всерьез кандидатуру парня не рассматривала. Ну куда это годится? Лимитчик из патрульно-постовой службы, старшина, живет в общежитии. Симпатичный, неглупый, добрый и заботливый, но куда его в мужья-то? Переезжать к нему в общагу? Вот уж нет. Привести сюда, в «двушку» с запроходной комнатой? И дальше как? Переселять Мишку в одну комнату с матерью? И снова – нет. А если Мишка тоже надумает завести семью, то вообще настанет полный караул.

Мать осуждающе покачала головой:

– И почему ты всегда думаешь о людях плохо? С чего ты взяла, что Гриша нацелился на прописку и квартиру? Он же тебя любит, это невооруженным глазом видно! Смотри, доча, пробросается. Таких, как Гришенька, разбирают влет. Серьезный мальчик, хороший. Какого еще принца тебе надо? Тебе двадцать шесть лет, Нина, через год будешь считаться старой первородкой, рожать давно пора. О чем ты только думаешь?

Ну, ясное дело, матери хочется внуков понянчить, Юрка уже вырос, школу оканчивает, с него какая радость? Маме малышей подавай, чтобы тетешкаться с ними. И чего она к Нине привязывается? Мишка на шесть лет старше, а с него она семьи и деток не требует. Ну, может, и требует, конечно, но Нина что-то этого не слышит.

Девушка встала, подошла к матери, обняла ее.

– Мамуля, я любви хочу, а не замуж, понимаешь? Хочу встретить такого человека, которого могла бы любить так, как ты папу любила. Думаешь, я была совсем мелкая и ничего не помню? Отлично помню! Я видела, с каким обожанием ты всегда смотрела на папу, как слушала каждое его слово, как заботилась о нем. Он для тебя был всем на свете, центром вселенной. Самым умным, самым лучшим, самым любимым. Вот и я так же хочу.

Татьяна Степановна вздохнула и улыбнулась:

– Это надо, чтобы сильно повезло, доченька. Не каждому такое выпадает. Давай-ка пей чай и соберись, не то опоздаешь к своей мастернице.

Нина в очередной раз бросила взгляд на простенькие настенные часы: мама права, нужно поторапливаться. Выпила в три глотка чашку чая, помчалась в комнату одеваться. Белье. Форменная юбка, чуть-чуть зауженная книзу, самую капельку. Конечно, по стандарту не положено, но никто ведь не станет измерять сантиметром, даже если и заметит слегка улучшенный силуэт.

Голубая рубашка. Галстук на резинке. Китель, тоже подогнанный по фигуре, потому что иначе никак: у Нины пышная грудь и красивые широкие бедра, а талия тонюсенькая, просто грех ее не подчеркнуть. Получить талон на индивидуальный пошив в эмвэдэшном ателье у Губановой нет возможности, такие привилегии только для начальства, приходится получать на складе стандартную форму такого размера, чтобы «проходили» грудь и бедра, а талию уже подгонять самостоятельно.

Она с удовольствием осмотрела себя в зеркале. Хороша! И нечего ей замуж торопиться, нужно дождаться того, кого она будет любить по-настоящему. От кавалеров отбоя нет еще со школьных лет, а что толку? Только один, всего один раз ее сердце зашло так, что, казалось, уже никогда больше не сможет биться. Отец хулигана, воришки и побегушника, вдовец, упустивший двенадцатилетнего сына, когда сам пытался справиться с горем после внезапной смерти жены. Несколько месяцев приходил в себя, пил по-черному, страдал, ничего вокруг не видел, не замечал, а паренек в это время почувствовал себя брошенным, никому не нужным, ну и... Дальше все понятно.

Когда отец мальчика впервые пришел к инспектору Губановой, все оказалось запущено донельзя. У Нины к тому времени уже и немалый опыт накопился, и здоровый цинизм сформировался. Она знала школу, в которой учился малолетний воришка-хулиган: из всех учителей только двое были прирожденными педагогами-воспитателями, которые могли бы при желании оказать нужное воздействие, на остальной педсостав надежды никакой. Пионерскую организацию она тоже в расчет не брала. Один из учителей преподавал физику в девярых-десятых классах, а парень пока учился только в седьмом. Второй же, военный-отставник, вел уроки начальной военной подготовки, и Нина сделала ставку на него. Совместными усилиями они смогли удержать подростка на опасном краю и даже немного оттянули назад, в безопасное пространство. За это время между инспектором Губановой и вдовцом сложились те самые отношения, о которых Нина так мечтала. Но не получилось. Дети редко готовы принять другую женщину вместо недавно умершей мамы, так что все объяснимо. Не годилась Антонина Андреевна мальчику в мачехи.

Сколько слез тогда было пролито! Сколько подушек истерзано... Именно тогда Нина изменила прическу, рассталась с роскошными локонами, сделала стрижку. Ей казалось, что вместе с волосами от ее головы отделяются глупые несбывшиеся мечты о свадьбе и долгой совместной счастливой жизни с любимым мужем, приемным сыном и общими детьми, непременно мальчиком и девочкой. Отрезать все, выбросить в помойку и больше не вспоминать.

Мама говорит, что должно очень повезти, чтобы было так, как у нее с папой. Ну что ж, ей, Нине, тоже повезет когда-нибудь. Обязательно повезет.

Торопиться некуда, впереди еще много лет.

Как это некуда торопиться? А парикмахерская? Засмотрелась на себя в зеркале, задумалась, замечталась, а часики-то тикают. Не опоздать бы, а то в кресло к самой лучшей мастерице усядется какая-нибудь необъятная чиновница и будет требовать, чтобы ей соорудили на голове «халу».

Уходя из квартиры, нарочно громко хлопнула дверью. Пусть Мишка, мамин любимчик, проснется раньше времени, ему полезно.

Май 1973 года

Юра Губанов

Вода в озере еще холодная, но так приятно сидеть на мостках, опустив босые щиколотки в ласковый упругий шелк и глядя на мелкую рябь, поднятую теплым майским ветром и переливающуюся на солнце. Лохматый крупный беспородный пес по кличке Гром дисциплинированно сидел между Юрой и Славиком, как влитой, не делая ни малейшей попытки встать.

Юра запустил пальцы в густую собачью шерсть и слегка потянул, наслаждаясь ощущением чего-то жесткого и при этом живого, как будто в ладонь перетекала горячая энергия. Жаль, что теперь такого долго не будет...

– Значит, точно больше не приедешь? – тоскливо спросил Славик.

Юра помотал головой:

– Не-а, Слав, не получится. Нужно к экзаменам готовиться, у меня с химией и физикой не очень, придется приналечь.

– Ну да, у тебя же выпускные... А потом?

– Потом последний звонок и снова за учебники, готовиться к поступлению. Мы даже дачу в этом году снимать не будем, некому на ней жить. Бабушке одной – бессмысленно, а мне заниматься надо, буду в Москве сидеть.

– Но заниматься же и на даче можно, – с надеждой возразил Славик. – Какая разница, где учебники читать?

– Да ты что! С одними учебниками фиг поступишь, надо всякую дополнительную литературу читать, а где ее брать? Только в библиотеке. Там знаешь какой конкурс? Сдать вступительные в школу милиции – это надо очень постараться.

– Да ладно! – не поверил Слава. – Хочешь сказать, что все прямо мечтают стать милиционерами? Генку из крайнего дома на нашей улице помнишь?

– Помню. И что?

– Он в прошлом году в институт поступил без всякой библиотеки. По-моему, он вообще даже и не готовился особо. Ты же умный, Юрок, ты и так все сдашь лучше всех.

– Ты не понимаешь. В школы милиции берут после армии. После десятого класса берут тоже, но очень мало и не во все «вышки». В Москве, например, не берут вообще. Поэтому я в Омск и поеду. Таким, как я, чтобы прорваться в школу милиции, нужно быть на голову лучше тех, которые в армии отслужили, потому что им всегда отдают предпочтение. Так мне отец объяснил.

– Ладно, – вздохнул Славик. – А когда вернешься? После того, как поступишь?

– Да ты что! Отец говорил, что сначала экзамены, потом мандатная комиссия, на которой будут рассматривать все оценки и решать, кого взять, а кого отфутболить, потом приказ о зачислении – и сразу в лагеря на сборы, на целый месяц. И потом учеба. Так что приеду домой только в конце января на каникулы. Если вообще поступлю, конечно, – осмотрительно добавил Юра.

Он не стал пересказывать товарищу все то, о чем предупреждал его отец. Поступление в Высшую школу милиции было совсем не похоже на поступление в другие институты. Нельзя просто прийти с улицы и подать документы. Сначала нужно получить направление на поступление. Это не так-то просто, но тут отец помог, конечно, он же работает в управлении учебных заведений министерства. После этого тебя проверяют с ног до головы: кто ты такой есть, как себя ведешь, что о тебе думают в комсомольской организации, не было ли в твоей жизни чего-нибудь криминального или даже просто предосудительного, кто твои родители, нет ли судимых среди ближайших родственников. Даже если ты попался в лапы народных дружин-

ников в нетрезвом виде – уже плохо. К моральному облику будущего офицера милиции относятся крайне серьезно, отец рассказывал, что даже специальный приказ об этом в министерстве издали. Название приказа было длинным и путаным, но Юра запомнил: «Об улучшении нравственного и эстетического воспитания слушателей и курсантов высших и специальных средних учебных заведений МВД СССР». На проверку уходит обычно несколько месяцев, поэтому направлением следовало обзавестись заранее. Если проверку прошел без нареканий – тебя направляют на медкомиссию, где тоже все проверяют от и до и вполне могут отсеять, не пропустить. Проскочишь медкомиссию – получаешь разрешение на сдачу вступительных экзаменов, но перед экзаменами будет еще одна медкомиссия, уже в самой школе, и там тоже могут найти, к чему придраться. Во время экзаменов жить придется в лагерях, в палатках, среди незнакомых парней, подавляющее большинство которых отслужило в армии и прошло незабываемую школу дедовщины, так что сложностей прибавится: нужно будет собрать волю в кулак, не поддаваться на провокации, держать себя в руках и сохранять хладнокровие при любых ситуациях, потому что полезешь в драку – выпрут мгновенно и без разговоров. Одним словом, трудностей предстоит немало, и жизнь медом не покажется.

– А ты сам-то не передумал? – спросил он Славика. – Точно не будешь в институт готовиться?

– Да какой мне институт, – махнул рукой тот. – Ты же сам видишь, как у нас... Вот сейчас девятый класс окончу и пойду в какое-нибудь ПТУ. Знал бы, что так выйдет, вообще после восьмого ушел бы из школы.

В конце осени отец Славика вернулся домой. Вернее, не сам вернулся, а его вернули, выпустили из психбольницы. Это был уже не тот прежний дядя Витя, которого помнили его близкие. Глаза бессмысленно взирали на окружающий мир, губы то и дело произносили какие-то непонятные фразы. «Закололи до состояния овоща», – говорили о нем в поселке. Бывали минуты просветления, когда Виктор на короткое время казался почти нормальным, мог, например, заварить себе чаю и сделать бутерброд. Но в основном он целыми днями сидел либо в доме, либо на крыльце, периодически пытаясь куда-то уйти. Если его вовремя не перехватывали – блуждал по улицам, пару раз углублялся в лес, и приходилось долго искать его. Жена и сын поняли, что оставлять Виктора дома одного опасно: если не уйдет, так пожар устроит, потому что забудет выключить газ под чайником. «Да сдайте вы его в интернат для психов, – советовали знакомые. – Это ж невозможно так мучиться!»

Об этом не могло быть и речи. Зинаида попросила на работе, чтобы ее ставили только на вечерние и ночные смены: с утра и до обеда Славка должен быть в школе, а уж после школы он за отцом присмотрит.

Но перспективы выглядели пугающе. Ну, допустим, Славик доучится, окончит десятилетку. Пока школьник – занят только до обеда, а потом сам себе хозяин, может сидеть дома, учить уроки и больного отца караулить. А дальше как? Зинаиде до пенсии далеко, она должна работать, иначе подпадет под статью о тунеядстве, да и жить-то надо на что-то. Вот и решили, что сын после девятого класса пойдет учиться в ПТУ в ближайшем райцентре, там пусть крохотная, но стипендия, и эту стипендию можно будет тратить на то, чтобы приплачивать за пригляд за Виктором, если у жены и сына не будет получаться. Плюс льготы на питание и на проезд в общественном транспорте, что тоже лишним не будет.

За несколько месяцев, прошедших с возвращения отца, Славик сильно изменился и теперь выглядел старше своего друга. Постоянная тревога и озабоченность сделали веселое мальчишеское лицо угрюмым, в глазах то и дело мелькала озлобленность, и только рядом с Юрой Губановым парнишка немного расслаблялся и снова становился прежним Славкой, готовым в любой момент поддержать самую лихую и завиральную идею или принять участие в увлекательной игре.

Славик нехотя вытащил ноги из воды и принялся обтирать их носовым платком.

– Пойдем, пора мне. Скоро матери на смену идти.

При слове «пойдем» Гром немедленно вскочил и завилял хвостом.

– Побудешь еще или сразу на электричку? – спросил Славик.

В его голосе было столько мольбы и надежды, что Юра не раздумывая ответил:

– Побуду, конечно.

Он знал, что будет нелегко, и был к этому готов. Приезжая к Славке, он почти всегда заходил в дом и видел Виктора. Уже через пять минут сердце начинало давить так, что Юре хотелось выть. «Я не выдержу, – думал он, мысленно отталкивая от себя надвигающийся ужас, смешанный с состраданием. – Я бы не смог провести здесь даже полчаса. Как они выносят это? Сколько же нужно сил, чтобы вот так, изо дня в день, и конца не видно...»

Однажды, вернувшись из Успенского, он поделился с отцом. Спросил совета: как бы так сделать, чтобы не заходить в дом, но при этом не обидеть Славку.

– Никак не сделать, – ответил отец. – Надо заходить и терпеть. Переживать все это. Не избегать.

– Но зачем?

– Сынок, каждому человеку приходится учиться жить рядом с горем. С чужим или со своим. А тем более тебе.

– Почему? – не понял тогда Юра.

– Потому что ты собрался быть тем, кто постоянно будет иметь дело с потерпевшими, с жертвами преступлений. А преступления бывают очень страшными. Если ты не научишься терпеть рядом с собой чужое горе, ты не сможешь быть хорошим сыщиком. Да и хорошим человеком тоже вряд ли станешь. Учись не трусить, не избегать, быть поддержкой и опорой. Понимаю, что это тяжело, ну а кому легко? Жизни без горя не бывает.

И Юра мужественно заходил в гости к другу даже тогда, когда налицо имелись прекрасные отговорки и отмазки.

Дядя Витя что-то бормотал себе под нос, уставившись бессмысленным взглядом на свои беспокойно шевелящиеся пальцы, а мальчики ели тушеную капусту с сосисками и смотрели по телевизору какую-то научно-познавательную передачу про Арктику.

Около шести вечера Юра собрался уходить, Славик проводил его до калитки.

– Значит, теперь до самой зимы? – печально спросил он.

Юра молча кивнул. От этого голоса, от этого безнадежного выражения лица у него в горле встал ком, который никак не удавалось сглотнуть. Гром преданно стоял рядом, и пришлось присесть на корточки и потрепать пса по морде и холке, чтобы успели остыть накапливающие слезы.

– Юра...

Славик запнулся и замолчал.

– Что, Слав?

– Ты точно не передумал?

– Ты о чем?

– Ну... стать самым лучшим сыщиком и доказать, что папу неправильно обвиняли. Ты обещал. Не забудешь?

– Я никогда не передумаю, – твердо и серьезно ответил Юра Губанов. – И никогда не забуду. Даю слово.

Декабрь 1974 года

Михаил Губанов

До двери оставалось всего несколько шагов, когда Михаил увидел, как из своего подъезда пулей вылетел Николай. Без шапки, пальто нараспашку. Брат шел быстрым шагом, почти бежал в сторону метро.

Странно... Сегодня суббота, Николай во вторник улетел в командировку и должен был как раз сегодня вернуться. Ну, вернулся, стало быть. И что случилось? Ларка тяжело заболела и нужна скорая? Так у них есть телефон, вызвали бы. Телефон не работает? Но Колька только что промчался мимо будки телефона-автомата, даже не притормозив.

Перебирая в голове возможные варианты, вплоть до самых плохих, Михаил миновал дверь своего подъезда и направился в квартиру брата. Позвонил в дверь – не открыли. Достал из кармана связку ключей, щелкнул замком, вошел. Свет горит, на кухне бормочет радио.

– Что, остыл? – донесся развязный нетрезвый голос. – Одумался?

Понятно. Ларка опять напилась. И именно в то время, когда муж вернулся из командировки. Ну что ж за дура-то, елки-палки! Несколько дней Николая не было дома, пила бы себе, сколько влезет, но к приезду супруга должна быть как стеклышко, благоухать духами, при полном параде, да еще и с пирогами на столе.

Лариса сидела в комнате на диване, поджав под себя ноги, в руках бутылка. Ни бокала, ни даже обычного стакана, ни тарелки с закуской. Типичная алкоголичка, пьет в одиночестве и прямо из горла.

Михаил аккуратно повесил пальто в прихожей, снял ботинки, всунул ноги в тапочки, молча вошел, сел за стоящий посередине комнаты стол.

– И что у нас случилось? – спросил он. – Почему ты напилась?

– Не твоя забота, – огрызнулась Лариса и демонстративно отпила из бутылки. – Чего приперся? Колька пожаловался и велел оказать на меня воспитательное воздействие? Ты ж у нас великий замполит.

– Я с ним не разговаривал. Видел только, что он выскочил из дома как ошпаренный и помчался куда-то. Так что случилось?

– Ничего, – буркнула она.

– Понятно. Муж вернулся из командировки, а жена – в хлам. Ларка, у тебя что, совсем мозгов нет? Ты же знала, что Коля сегодня прилетает, неужели нельзя было не нажираться, как свинья?

– Я день перепутала. Думала, что завтра, – ответила Лариса уже совсем беззлобно. – К завтрашнему дню была бы как огурчик.

– Огурчик? – усмехнулся Михаил. – Да от тебя на следующий день перегаром на всю квартиру несло бы.

– И плевать.

Она снова сделала глоток, приподняла бутылку, посмотрела на свет, оценивая количество напитка, потрясла, горестно вздохнула.

Это тянулось уже давно. Поэтические посиделки, на которые Лариса ходила когда-то, обязательно сопровождались возлияниями, но это казалось совершенно нормальным и ни у кого не вызывало вопросов. Потом жена брата стала то и дело приходить с работы уже «с запахом»: то в лаборатории отмечали чей-то день рождения, то премию за новую разработку, то всенародный праздник, то еще что-нибудь столь же значительное и вполне оправдывающее принятие рюмки-другой. Все происходило постепенно, незаметно...

И вдруг однажды Николая ночью разбудил телефонный звонок: милиция задержала его жену в компании таких же пьяных собутыльников, когда они дружной компанией вывалились из ресторана Дома литераторов и шумно нарушали общественный порядок. Губанову-старшему пришлось задействовать кое-какие связи, чтобы погасить скандал. На службе, конечно, узнали, но спустили на тормозах, заручившись твердым обещанием Николая провести с супругой разъяснительную работу о недопустимости подобного поведения, которое пятнает репутацию не только жены офицера, но и самого офицера тоже. Протрезвевшая Лариса клялась и божилась, что такого больше не повторится. Но цена этим обещаниям оказалась меньше ломаного гроша. Лариса продолжала пить, хотя в скандальные истории больше не попадала. Но это ведь только до поры до времени...

– Послушай меня, Лара. – Михаил заговорил негромко, очень спокойно и размеренно. – Хочешь гробить свое здоровье и всю свою жизнь – пожалуйста. Это сугубо твое личное дело, я в него не лезу. Но в той мере, в какой это касается моего брата и всей моей семьи, это уже и мое дело. Я хочу, чтобы в моей семье были мир и спокойствие. Я хочу, чтобы никто не нервничал и не переживал. Я хочу, чтобы члены моей семьи были довольны и счастливы. Это понятно?

– Не дура, – хмыкнула Лариса и ласково погладила бутылку. – Дальше что?

– А вот об этом я как раз тебя хотел спросить. Дальше-то что, Лара? Если ты забыла, то я напомню тебе: вашему сыну уже исполнилось восемнадцать. Это означает, что Колька может в любой момент подать на развод в ЗАГС, и вас разведут в пять секунд. Пока Юрка был несовершеннолетним, разводиться нужно было через суд, а это долго и мучительно. Теперь все проще. И никто Колю за это не осудит, поскольку ребенок уже взрослый. На его карьере развод никак не скажется.

Лариса злобно прищурилась:

– Ты меня разводом пугаешь, что ли? Да ради бога, пусть разводится! Тоже мне, великое счастье: быть женой Николая Губанова, который за всю жизнь прочитал три книжки, из которых одна – Уголовный кодекс, а еще одна – букварь. С твоим братом даже поговорить не о чем, ему не интересно все, что не касается его работы. Лучше уж совсем без мужа, чем с таким.

– Понимаю, – кивнул Михаил. – Нужно искать родственную душу, которая тебя понимала бы. Нашла?

– Кого? – тупо переспросила Лариса.

– Того, к кому ты уйдешь, когда Колька тебя выгонит к чертовой матери.

– Да пошел ты! – взорвалась она. – С чего это он меня выгонит? Может, я сама от него уйду, еще и дверью хлопну.

– И куда пойдешь? – насмешливо спросил Миша. – К любовнику?

– Нет у меня никакого любовника.

Ну, положим, есть, и Михаил прекрасно знал, кто именно. Беда, однако, в том, что этот человек не свободен и свободу от супружеских уз обрести отнюдь не собирается, у него двое несовершеннолетних детей и вполне приличная репутация в Союзе писателей, портить которую ему совсем не с руки.

– Коль нет любовника, то идти тебе, моя дорогая, некуда. Где у тебя мама-старушка проживает? В деревне под Калугой? Ты туда собираешься съехать? Подозреваю, что нет. У тебя в Москве работа, друзья, поэты твои богемные. А жить где? Только здесь. Допустим, пока Юрка учится в Омске, вы с Колькой будете жить как соседи, в разных комнатах. А потом, когда парень вернется? Он уже на втором курсе, между прочим, ему учиться осталось всего два с половиной года, и эти два с половиной года промелькнут так быстро, что ты и ахнуть не успеешь. Вернется молодой мужчина, офицер, захочет устроить свою личную жизнь, приведет в дом невесту, потом жену. Как ты себе представляешь жизнь в разводе в таких условиях?

Лариса допила бутылку одним глотком, поставила пустую тару на пол, посмотрела вызывающе.

– Квартиру разменяем. Я здесь прописана, имею право на свою долю жилплощади.

– Прекрасно! Вот это, – он широким жестом обвел рукой вокруг себя, – меняется только на две комнаты в коммуналках. Даже на «однушку» и коммуналку это не потянет, метраж маленький, планировка неудобная. По общей кухне соскучилась? По очереди в ванную? По склочным соседям? По бараку, из которого наша семья тебя вытащила благодаря труду нашей матери? Ты – смазливая деревенская девчонка, которая жила в общежитии и не имела ничего, а теперь живешь в отдельной квартире с мужем, который получает очень приличную зарплату. Давай, двигай вперед, к разводу, живи неизвестно где на свою зарплату лаборантки. Ты этого хочешь?

– Да пошел ты... – повторила она, не очень, впрочем, уверенно. – Тоже мне, учитель жизни нашелся. Иди своих милиционеров воспитывай, а меня не надо.

Михаил помолчал.

– Я не пытаюсь тебя воспитывать, Лара. Я пытаюсь донести до тебя простую мысль: не нужно провоцировать моего брата на резкие движения. От развода ты не выиграешь, поверь мне. Ты много чего потеряешь и ничего не получишь взамен, кроме свободы, которую тебе некуда будет девать. Да, ты сможешь пить, сколько захочешь, хоть каждый день с утра до ночи. Но это и все. Это единственный плюс, остальное – сплошные минусы и неудобства. Пойми же, я тебе добра желаю.

– Ты? Мне? Добра? – Лариса громко расхохоталась. – Да ты никогда меня не любил! Ты вообще людей не любишь. Какого добра ты можешь мне желать?

– А вот теперь слушай внимательно, – сказал он совсем тихо и очень твердо. – Да, ты мне никогда не нравилась и я тебя не любил и не люблю, это правда. Но разве я обязан? У каждого человека внутри есть встроенный механизм, благодаря которому мы любим тех, кто одной крови с нами. Вся наша семья – одной крови, мы все кровные родственники. Кроме тебя. Мать, Коля, Нинка, Юра – мы все родня, и мы любим друг друга независимо от того, есть у нас недостатки или нет. Даже если кто-то совершает поступки, которые нас бесят, мы не перестаем его любить. Хотели бы перестать – да не можем, потому что механизм работает. Ты – совсем другое дело. В твою сторону наши механизмы не направлены, мы не умеем и не можем тебя любить, мы можем только терпеть тебя, мириться с твоим присутствием, но и то ровно до тех пор, пока ты не бесишь. А ты уже бесишь, моя дорогая. Если ты доведешь моего брата до развода, то Колька будет злиться, мать начнет переживать за него, Юрка тоже неизвестно как к этому отнесется. Вся семья будет на нервах и в страданиях. Мне это надо? А тебе? Напоминаю: ты ведь продолжаешь жить здесь на правах соседки, и вся эта нервотрепка с упреками и выяснением отношений окажется у тебя на голове. Так что имей в виду: я желаю добра в первую очередь своей семье и себе самому, но в данном конкретном случае это равно тому, что я желаю добра и тебе. В этой ситуации твое добро и наше – одно и то же. Усвоила?

Он умолк, ожидая какого-нибудь ответа, однако Лариса молчала и даже не смотрела на него. Глаза ее блуждали по стенам, по оконным занавескам, но то и дело возвращались к стоящей на полу пустой бутылке. «Все мои слова – мимо цели, – подумал Михаил. – Она думает только о том, где взять еще выпивку. Ждет не дождется, когда я уберусь отсюда, и побежит в ближайший продмаг».

Резко отодвинув стул, поднялся и заговорил чуть громче.

– Мой брат – интеллигентный человек, а я – нет, запомни это. Я все детство провел среди хулиганов, многие из которых выросли и стали бандитами и ворами. Они многому меня научили. И я могу многое из того, чего не может и никогда не позволит себе сделать Николай. Он не позволит, а я – легко. Если ты будешь продолжать в том же духе и угрожать спокойствию моей семьи, то мало тебе не покажется, обещаю.

Он вышел в прихожую, обулся, надел пальто, встал на пороге комнаты.

– Прошу тебя, Лара, очень прошу: держи себя в руках. Не доводи нас до греха. Хочешь пить – пей, только так, чтобы никто не видел и не знал.

– А тебе, конечно, главное, чтобы никто не знал, да? – громко и с вызовом заговорила Лариса. – Чтобы все шито-крыто, понятное дело. Считаешь, что я – позор вашей благородной семейки офицеров милиции. Вы же такие безупречные, такие благонравные, все такие чистенькие, приглаженные. И мысли у вас такие же чистенькие и приглаженные, а знаешь почему? Потому что у вас в голове пусто, там ничего нет, кроме служебных инструкций. Вся ваша безупречность и благонравие не от совести и честности, а от тупости, необразованности и неграмотности. Думаешь, диплом о высшем образовании получил и сразу умным стал, да? Так я отлично знаю, чего стоит твой диплом, своими глазами видела, как ты учился. Перед экзаменом два часа учебник полистаешь, пару цитат наизусть выучишь – и готово. Видела я, какие книги у тебя в комнате на полках стоят, да только ты их не читал, а если и читал, так ничего не понял. Тоже по паре цитат выучил оттуда и щеголяешь, делаешь вид, что ознакомился с трудами. Этим можно обмануть, пустить пыль в глаза какому-нибудь дурачку, но человека, который на самом деле читал и обдумывал, такой лажей не накормишь, он сразу поймет, что ты нахватался по поверхности, а на самом деле ничего не знаешь. Как был тупым и необразованным, так и остался. Все вы, Губановы, только фасады красить умеете, а построить что-то стоящее – кишка тонка. Все вы лицемеры из потемкинских деревень!

Это было обидно. И не потому, что оскорбительно, а потому, что близко к правде. Михаил не очень-то высоко ценил образованность и эрудицию. А если уж совсем честно, то не ценил вовсе. Глупости это все. Главное – власть, а для власти нужны знания, только не научные и всякие там философские, а живая информация, при помощи которой можно управлять людьми. Но коль угораздило его родиться и жить в обществе, где принято кичиться образованностью и всесторонними знаниями, то приходится соответствовать, держать лицо, иначе уважать не станут. Мише казалось, что он очень ловко все придумал: выучить по две-три цитаты из умных книжек и вставлять при каждом удобном случае, непременно ссылаясь на первоисточник, называя полностью имя автора и название труда. Выглядело очень впечатляюще. Две-три цитаты отсюда, еще парочку – оттуда, набрал с полтора десятка и вполне удачно производил нужное впечатление.

Неприятно, однако, что пьяная Ларка об этом заговорила. Догадалась, сучка.

А Лариса все не могла остановиться, выкрикивала обвинения и оскорбления и вдруг разрыдалась, когда Михаил уже взялся за ручку двери, чтобы уйти. Пришлось остановиться. Нужно выждать, когда эта идиотка успокоится, придет в себя хоть немножко, и сказать ей напоследок несколько мирных дружеских слов. Нельзя расставаться на такой ноте. Последнее, что сегодня Колькина жена услышит от Михаила, должно запечатлеться в ее памяти как мягко-строгое и обнадеживающее. Приятное. Как там говорилось в фильме про Штирлица? Запоминается последнее. И это последнее требуется обеспечить.

Он, не раздеваясь, прошел в кухню, присел на табурет, собрался было поставить локти на стол, но одернул себя, выпрямил спину и замер. Осанка – это очень важно. Нельзя расслабляться даже когда не сидишь в служебном кабинете.

Из включенной радиоточки звучал надрывный голос Муслима Магомаева:

Мы на чертовом крутились колесе.
Колесе, колесе...

Михаил невольно поморщился. Ну сколько можно? Уже лет пять, наверное, эту песню крутят то по радио, то по телевизору, какой концерт ни включишь – Магомаев со своим «Колесом» или еще с какой-нибудь старомодной песенкой про любовь. Разве это музыка? Разве это вообще можно слушать? Ему привозят заграничные пластинки с записями модных на

Западе исполнителей, так вот на них действительно музыка, которая аж до костей пробирает. И вообще, страны Запада – это мечта. Нет, жить там постоянно Миша Губанов не хотел, иностранных языков он не знает, да и порядки там другие, поди приноровись, пока разберешься, что к чему и где и с кем решать те или иные вопросы. Нет уж, дома, в советской стране, все известно, все понятно, и говорят все по-русски, не нужно напрягаться и осваивать новый язык и новые правила жизни. Его все устраивает, ему все здесь нравится. Но... Хорошо бы так устроить, чтобы порядки были советские, бесплатное образование, бесплатная медицина, простые и понятные правила построения карьеры, а вот все остальное было бы как там, в Европе и Америке. Красивые блестящие машины по доступной цене, просторные квартиры, а еще лучше – отдельные дома, да еще и с бассейном. Разнообразная бытовая техника, чистые тротуары и отремонтированные фасады домов, чтобы по улице было приятно ходить. Хорошо сшитая модная одежда, в которой выглядишь как человек, а не как бомж. Обувь всех размеров, которая не жмет и не натирает кожу на костяшках пальцев и пятках. Бутылки разнообразного спиртного с яркими этикетками. Сигареты с табаком элитных сортов. И обязательно чтобы на каждом углу было кафе или бар, где можно выпить кофе и почитать газету, сидя за столиком на улице или в уютном помещении с неярким светом. В такие кафе люди ходят даже завтракать! Ах, как мечтал Михаил о том, чтобы завтракать именно в кафе, заказывать чашечку кофе и круассан... Круассанов он отродясь не пробовал, только в кино видел, но понятно, что это какая-то выпечка и, наверное, очень вкусная, раз ее постоянно едят герои фильмов и книг. Куда приятнее утром заскочить в такое вот кафе, нежели завтракать дома. Среди всего этого убожества...

Он обвел глазами кухню. Занавески на окне точно такие же, как и в его квартире, пошлые квадратики на светло-желтом фоне, покупали-то на две квартиры одновременно, когда переезжали из барака, больше десяти лет назад. Так и висят до сих пор. Стол покрыт клеенкой в цветочек, местами поцарапанной ножом, местами покрытой пятнами. У холодильника ручка примотана черной изолентой, потому как отваливается. Металлическая хлебница, белая с голубым, стоит на невысоком холодильнике, а зачем она вообще нужна? В ней хлеб плесневеет уже на третий день, мать замучилась отмывать, что здесь, что у себя. Чашки и тарелки разномастные, потому что сервиз стоит в серванте и достается только по праздникам, да и то если гости приходят. Сервиз красивый, Ломоносовского завода, такой запросто не купить, нужно доставать, поэтому не дай бог разбить хоть один предмет. Для гостей – красота, а для себя можно не напрягаться, попить-поесть из того, что попроще. Ну и что, что на чашке скол, а на краю тарелки трещинка? Еда не вываливается, жидкость не проливается – и хорошо, сойдет. На Западе нормальные люди меняют детали интерьера без проблем, когда хочется чего-то новенького, идут в магазин и покупают. А здесь вещами пользуются столько лет, сколько сама вещь живет. Пока не развалилась окончательно – пусть служит. Потому что приобретать новое – та еще головная боль, даже если деньги скоплены и отложены: побегай-ка по магазинам, поищи, а то и в очередь записываться придется и ждать потом месяцами. Ну почему, почему нельзя так устроить, чтобы порядки оставались советскими, а жизнь – как за границей? Чтобы было красиво, удобно и изобильно.

Нет уж, в своей будущей отдельной жизни Михаил Губанов все сделает так, чтобы было как на картинках из иностранных журналов. В мебелиной стенке непременно должна быть барная секция, которую он набьет красивыми импортными бутылками и «правильными» рюмками и стаканами: для коньяка – одна форма, для шампанского другая, для виски третья... Для повседневного использования – сервиз. Одежда для дома – не старые треники или пижамные штаны, а джинсы и тонкий джемпер. Да-да, вот именно: джинсы, которые считаются пиком моды и призваны демонстрировать в общественных местах успешность и благосостояние, он будет носить дома. И от жены потребует, чтобы никаких застиранных халатов и близко не было, по утрам – пеньюар с кружевами, а в остальное время – удобные брючки и блузки или

специальные домашние платья, он такие видел в журналах мод: длинные, свободные, из ярких тканей.

Квартира, разумеется, у него будет своя, отдельная. Михаил уже и план составил. Несколько месяцев назад был в командировке в Красноярске, там министерство организовало научно-практическую конференцию по политико-воспитательной работе. Губанова туда направили не только послушать, но и поучаствовать в обсуждениях на секциях и круглых столах. Задача была выполнена с блеском, заученные загодя цитатки очень пригодились и сыграли свою роль, майор Губанов произвел отличное впечатление: образованный, хорошо держится, скромно, но с достоинством и уверенно. Удалось близко сойтись с одним местным начальником из Красноярского краевого управления, которому Миша так понравился, что зашел вполне серьезный разговор о переводе: «Нам нужны такие офицеры, как ты, и место как раз освобождается, человек выходит в отставку. Давай, Мишка, решайся, жильем тебя обеспечим, должность полковничья, отработаешь лет пять и вернешься в Москву с тремя звездами на погонах. А то и здесь останешься, до начальника ГУВД края дорастешь, станешь генералом. В тебе потенциал огромный, да и я поддержку обеспечу».

Колебался Михаил недолго. Ну, если честно, то не колебался ни одной минуты. Хотя вид, конечно, сделал, что предложение неожиданное и ему нужно подумать. Перспективы этим предложением открывались огромные. Он будет не просто заместителем начальника, а еще и начальником целой политчасти, у него будут подчиненные, которыми можно командовать, давать им поручения и задания, выслушивать отчеты, поощрять и наказывать. И жену в Красноярске можно найти такую, какую надо. В Москве как-то не очень получается: красивые не хотят в глаза заглядывать и в рот смотреть, а те, которые готовы это делать, какие-то неказистые. И еще одна трудность с невестами в столице нашей Родины: брать иногороднюю, не имеющую своего жилья, – куда ее привести? В квартиру к матери и сестре, да еще и прописывать. И если что пойдет не так, придется делить жилплощадь, а как ее поделить? Вон Коля с Ларкой – живой пример перед глазами. В очередь на улучшение жилищных условий его, конечно, поставят, все основания будут, да только стоять в этой очереди придется много лет. Нет уж, такие пироги Михаилу совсем ни к чему. Жениться на москвичке, прописанной у своих родителей, в этом смысле лучше, надежнее, в крайнем случае, она к ним и вернется. Но родители будут при этом находиться в опасной близости к молодой семье, начнут лезть в их жизнь, капать дочке на мозги, мол, твой муж не то сделал, не так сказал, ему бы надо... и все в таком роде. Одним словом, постороннее влияние, которое ослабит власть мужа над женой. Такая ситуация тоже не привлекала. А вот девица из хорошей семьи в Красноярске, далеко от Москвы – это как раз то, что нужно. Какая бы красивая ни была, это она в столице может рожу корчить, а там, в Сибири, и в глаза будет преданно заглядывать, и в рот смотреть, лишь бы вырваться в самое сердце страны. Родители ее останутся в Красноярске, а на таком расстоянии в тысячи километров особо на дочь не повлияешь. Жилье дадут, и через пять лет, получив звание и соответствующую строку в послужной список, эту квартиру можно будет обменять на московскую. Вот и будет молодой семье отдельное столичное жилье.

А Ларка все рыдает... Когда ж она уймется-то, господи прости! Вот же влип Коля с этой скороспелой женитьбой... Ни толку, ни проку от такого супружества. У Кольки уже давно другая баба есть, Ларка по мужикам таскается, после своего Разумовского совсем с катушек слетела, напивается, всю красоту растеряла, вон морда какая оплывшая, а ведь такой красоткой была – глаз не оторвать. И для чего все это? Правильно, нужно делать вид. Чтобы Юрку не травмировать и чтобы мать была спокойна. Юрка-то вырос уже, а вот мать – это да, это проблема. Татьяна Степановна стала сдавать, болеет все чаще, сердце сбоит, ей волноваться и переживать совсем нельзя, так врачи говорят. Давление скаканет вверх – и может случиться инсульт. А уж что такое тяжелобольной человек у тебя на руках, Миша Губанов знает прекрасно, насмотрелся на своего друга, того, который жил в «директорской» сталинке. Мысль о том, что в их

крошечной квартирке на долгие годы поселится болезнь, лекарства и тяжелый дух, неизменно сопровождающий лежачих больных, приводила его в ужас. Он готов на все что угодно, лишь бы с матерью ничего такого не случилось и чтобы его более или менее комфортная жизнь не оказалась испорченной. И будет покрывать Ларису с ее пьянством и любовниками, спасать семью брата, сколько хватит сил, только бы мать не нервничала и продолжала считать, что все в порядке. Правда, не исключено, что совсем скоро он уедет служить в Красноярск, потому что запрос на личное дело уже отправили в Москву, в управление кадров министерства. Но до тех пор, пока он еще здесь, в Москве, он сделает все, что в его силах.

Октябрь 2021 года

Петр Кравченко

Он знал, что этот момент обязательно настанет, и заранее ненавидел его и боялся. Наваливались апатия, тоска, нежелание работать, сама работа казалась бессмысленной, никому не нужной и не интересной, а уже проделанная часть задуманного представлялась пустой, тупой и нелепой. Так было и в студенческие годы, когда он писал курсовики и диплом, так было и при работе над большими материалами, требовавшими проведения журналистского расследования, так произошло и во время написания книги о деле Сокольников.

Петр второй день валялся на диване и смотрел в потолок. Из всех сил старался заставить себя думать об убийстве следователя Садкова и с отвращением к самому себе понимал, что не хочет. Ни думать, ни тем более что-то предпринимать для сбора информации. И к Губанову ехать не хотелось. Слава богу, они со стариком договорились взять паузу на несколько дней. Николай Андреевич был не в восторге, ему явно нравилось иметь собеседника, с которым можно предаваться воспоминаниям, держа молодого журналиста на крючке и медленно, крошечными шажками приближаясь к самому главному. Но Петр заявил, что ему необходимо время, чтобы привести в порядок диктофонные записи, перевести их в текст, обдумать и взвесить.

А он что? Не обдумывает, не взвешивает, даже не переслушивает. Лежит, как куль с мукой, и таращится в пустоту. Карина сидит за компьютером, работает, то и дело поглядывает на Петра и тихонько вздыхает.

– Так и будешь лежать? – спросила она.

В голосе нет осуждения, но и сочувствия маловато. Ей непонятно его состояние, она всегда в тонусе, всегда готова к работе.

– Буду, – равнодушно откликнулся Петр.

– И долго? В прошлый раз была неделя, а сейчас сколько запланировал?

Ну конечно – план, план и еще раз план. Карина живет и работает только по плану. Ей не понять метаний творческой профессии, когда нужно придумывать, сочинять, создавать. Ей неведомо жуткое ощущение пустоты и тупика, когда все сделанное выглядит полным дерьмом, а предстоящее похоже на бездну, из которой не выбраться.

– Не знаю, – буркнул он и отвернулся лицом к стене.

– Я поняла. А если Анастасия Павловна позвонит и спросит, что ты ей скажешь? Она для тебя старалась, людей напрягала, люди работали. Нужно ведь что-то ответить.

Вот же... Хороший вопрос. Стасов, шеф Каменской, действительно напряг какие-то старые связи, и информация о Галине Перевозник, любовнице убитого Садкова, еще вчера пришла Петру на электронную почту. Галина Викторовна ныне носила другую фамилию – Демченко, ибо в конце прошлого века некоторое время была замужем за сотрудником милиции, с середины 1990-х – вдова, проживает на Текстильной улице в отдельной квартире, имеет дочь и зятя, которые живут отдельно. Пенсионерка, образ жизни довольно замкнутый, единственное социально-полезное занятие – волонтерство в приюте для животных. Недавно перенесла операцию на коленном суставе, из дому пока не выходит, по квартире передвигается с костылем. «Через пару дней будут более подробные сведения», – приписала Каменская в конце письма.

Вообще-то приписка давала некоторую свободу. Например, можно пока не ездить к бывшей пассии убитого следователя, отговариваясь тем, что хочется подождать этих более подробных сведений, дабы сделать беседу более предметной и плодотворной. Соблазн велик, ох велик!

Но почему-то Петру стало стыдно и перед Кариной, и перед Анастасией Павловной.

* * *

Карина

Петя, конечно, хотел сам сесть за руль, но Карина видела, что его желание продиктовано скорее джентльменством, обычной вежливостью. Куда ему за руль в таком состоянии? Злой, внутренне растрепанный, угрюмый. Вести машину, погрузившись в собственные переживания, – дело гиблое, особенно здесь, в Москве: нужно и за движением следить, и в навигатор постоянно поглядывать. Творческим личностям вообще лучше ездить на метро или, если есть деньги, на такси: эти люди вечно витают в облаках, а сосредоточиться на обыденном не могут. В этом Карина была твердо уверена.

Она ловко объехала все пробки и припарковала машину на первом попавшемся свободном месте. Чем хорош каршеринг, так это тем, что можно не запариваться насчет платных стоянок.

Карина немного сожалела, что пришлось оторваться от работы, тем самым нарушив график, который она сама же и составила. Но, во-первых, предстояла беседа с женщиной, и Карина помнила, что сама предложила свое участие, а Петя счел ее резоны вполне разумными. И во-вторых, ей было интересно. Про любовь же!

На сигнал домофона ответили не сразу. Ну, понятное дело, если бабулька еле ходит с костылем, сто лет пройдет, пока она дошкандыбает до двери.

– Слушаю вас, – донеслось наконец из динамика.

Голос был строгим и вовсе не старческим. Может, дочка или домработница?

– Это Кравченко, журналист, я вам звонил, – ответил Петя.

– Заходите, третий этаж.

На третьем этаже их ожидала уже распахнутая дверь. В прихожей стояла женщина, опираясь на костыль. «И с чего я взяла, что это бабулька?» – подумала Карина, удивляясь сама себе. Могла бы и сообразить, что даже если сорок лет назад Галине Викторовне было вряд ли больше тридцати, то сейчас должно быть около семидесяти, а семьдесят – это вообще не возраст в наше время.

Галина Демченко стояла перед ними с прямой спиной, вызываясь вздернув подбородок. Экстремально короткая стрижка белоснежной шапочкой облегла хорошей формы голову, из-за стекол очков в красивой оправе строго смотрели тщательно покрашенные глаза. Свободные широкие брюки, яркая шелковая блузка. Ну просто модель! «Постарела по европейскому типу, – с некоторой долей зависти подумала Карина. – Мелкие морщины на коже, но овал лица не обвалился. У нас женщины стареют почему-то по-другому: кожа долго остается приличной, но лицо обвисает, особенно подбородок и веки. Она и сейчас красотка, а какой была сорок лет назад – даже представить невозможно».

– Это ваша ассистентка? – спросила Галина, кивком головы указав на Карину.

– Моя подруга. Но и ассистентка тоже. Вернее, помощница.

Четко прорисованные брови женщины приподнялись над оправой очков.

– А есть разница?

– Мне кажется, есть, – улыбнулся Петя. – Ассистент помогает только в узкопрофессиональной сфере, а помощник помогает во всем и всегда. По жизни, так сказать.

Демченко удовлетворенно кивнула и пригласила их в комнату. Осторожно, медленным плавным движением, опустилась на диван, повернулась, пристраивая ногу в горизонтальном положении, царственным жестом указала гостям на кресло и диванную оттоманку.

– Вы сказали, что хотите написать о Евгении Петровиче. Что вас интересует?

– Всё! – тут же выпалил Петя. – Каким он был человеком, каким был следователем, как погиб. Вы работали в следственном отделе прокуратуры одновременно с ним, поэтому мы и пришли к вам.

– Почему именно ко мне? У нас было много сотрудников.

– Но не все живы. Все-таки прошло очень много лет. А из тех, кто еще жив, не все... – Петя замялся, подыскивая деликатные слова.

– Не все в здравом уме, вы хотите сказать? – усмехнулась Демченко.

– Скорее, в твердой памяти. Но вы правы, конечно. Мне приходится рассчитывать только на тех, кто в восьмидесятом году был совсем молодым.

– Ясно. О том, что мы с Евгением Петровичем собирались пожениться, вам уже доложили, как я понимаю?

– Да, мне говорили, но я подумал, что это могут быть досужие сплетни. Спасибо, что сами подтвердили.

«А она довольно прямолинейна, – одобрительно подумала Карина, рассеянно обводя глазами комнату. – Это хорошо. Значит, не будет скрытничать и все быстро расскажет».

Мебель в комнате была одновременно и новая, и какая-то старая. Точнее, старомодная. Вот видно же, что изготовлена недавно и из хороших современных материалов, но впечатление такое, что дизайнер специально взял за образцы то, что имелось в советских квартирах далеких доперестроечных времен. Мебельная стенка... Да кто сейчас ставит в своих жилищах стенки? Или взять светильники: в люстре и в бра над диваном стоят энергосберегающие лампы-«свечки», о таких в советские времена и не слыхивали, но форма плафонов в точности такая, какую Карина видела в раннем детстве у себя дома. Она хорошо помнила квартиру бабушки с дедом: там все было так же, как здесь. Вроде уже и середина «нулевых», у всех стеклопакеты, точечные светильники, мебель из каталогов, а «деды», как их называли родители девочки, упорно отказывались что-то менять в своих хоромашах: «Мы только в восемьдесят девятом ремонт делали, мебель новую покупали, у нас все чистенько, обои не отваливаются, ничего не поломалось, незачем деньги тратить».

– Кто вам сказал про меня и Евгения Петровича? С кем еще вы говорили?

– С Валентином, его сыном. Он и рассказал, что отец ушел из дома и собирался разводиться, чтобы вступить в брак с вами. Собственно, именно поэтому я и не был полностью уверен: парень был маленьким и мог принять пересказ сплетен за чистую монету. Значит, он не ошибался и ничего не напутал?

«Ага, напутал, как же, – ехидно сказала себе Карина. – Напутаешь тут, если мать изо дня в день твердит, что папка был негодяем и собирался их бросить, а бывший мужик папкиной шлюхи с ним и разобрался, как положено. Петя об этом забыл, что ли? Сам же мне пересказывал! Или это он так ловко врёт? Надо же, никогда бы не подумала, что он умеет. Даже не смущается».

– А с его матерью, вдовой Евгения Петровича, вы говорили? – продолжала допытываться Галина.

– К сожалению, она скончалась.

– Да уж... К сожалению...

По лицу Демченко на мгновение промелькнуло хищное выражение, но тут же исчезло, сменившись светлой и чуть печальной улыбкой.

– Мне было двадцать четыре, когда я пришла на работу в прокуратуру и познакомилась с Женей Садковым. Он был почти на двадцать лет старше, но мы оба сразу поняли, что созданы друг для друга. Он – старший следователь по особо важным делам, я – машинистка в секретариате, но для нас это не имело значения. Мы любили друг друга, по-настоящему любили. Жить и дышать не могли друг без друга, понимаете? Женя не хотел разрушать семью, и мы решили,

что дождемся, пока его сын подрастет, хотя бы школу окончит. Всего шесть лет оставалось. Два года встречались тайком, потом я забеременела, и Женя понял, что нужно что-то решать.

«Интересно, а чего ж ты молчишь о том, что у Садкова родился второй ребенок? – неприязненно подумала Карина. – Может, ты не такая уж прямолинейная, как мне показалось вначале?»

Телефон в ее рюкзаке издал короткий звук: пришло сообщение. Карина расстегнула кармашек, посмотрела: от Петининой мамы. «У вас все в порядке? Петя недоступен, я волнуюсь». Она собралась было отстучать короткий успокаивающий ответ, но поймала на себе неодобрительный взгляд Галины Викторовны и поспешно спрятала телефон в карман толстовки. Ох уж это поколение тех, кто воспитывался в эпоху, когда не было мобильных! Никак они не смиряются с тем, что люди привыкли быть постоянно на связи, сразу получать информацию и сразу реагировать на нее. Или вот взять для примера Петину маму: вроде не старая еще, шестидесяти нет, а не может взять в толк, что, если «абонент недоступен» или просто не отвечает, это вообще ни разу не признак катастрофы. Мало ли чем человек может быть занят! Идет по улице, едет в метро, не слышит звонка из-за шума, находится у врача, на переговорах, да в туалете сидит, в конце-то концов! Уж не говоря о том, что у человека может быть отвратительное настроение и он просто не хочет ни с кем общаться. Так нет: как только не ответишь на звонок – сразу паника.

– Женя ушел ко мне, – продолжала тем временем Демченко, – но для развода были препятствия. Дело в том, что у них родился ребенок, и надо было ждать, пока ему не исполнится год. Иначе развода суд не давал. Несколько месяцев мы прожили в абсолютном счастье, а потом... Потом это случилось.

Демченко судорожно сглотнула и сделала глубокий вдох. Петя зачем-то принялся листать свой блокнот, и Карина подумала, что он ищет какие-то сведения для формулирования следующих вопросов. Каких следующих?! Он же не спросил самого главного! Сын Садкова сказал, что его отца убил бывший любовник Галины. Значит, нужно дожимать ее насчет личной жизни.

– Вы сказали, что встречались с Евгением Петровичем в течение двух лет, – заговорила Карина.

– Да, так и было.

– Значит, когда жена Садкова забеременела, вы с ее мужем уже были вместе?

Демченко молча пристально смотрела на нее и ничего не отвечала. Потом сухо произнесла:

– Вы хорошо считаете. В школе по арифметике была пятерка?

Карина пропустила колкость мимо ушей, а удивленный и предостерегающий взгляд Петра – мимо внимания.

– Галина Викторовна, а вас это не смутило? Или, возможно, вы сами тоже в тот период поддерживали отношения с кем-то другим?

В комнате повисла могильная тишина. Карина вдруг поняла, что сделала непростительную, просто ужасающую глупость. Куда она полезла? Зачем? Возомнила себя великим следователем, имеющим право задавать такие вопросы! Она что, с ума сошла? Она все испортила. Вот дура! Петя опытный интервьюер, он вовремя понял, как и о чем нужно разговаривать, чтобы собеседник не взбрыкнул и оставался доброжелательным. Брать интервью – это отдельное ремесло, а не просто «спросил – выслушал ответ и записал». С чего она взяла, что написать текст надо уметь, а собрать материал даже ребенок сможет? Самонадеянная необразованная балбеска, у которой всех талантов – только память и внимание.

Карина сжалась, втянула голову в плечи и виновато посмотрела на Петра. Голос заговорившей Галины Демченко показался ей холоднее воды в проруби.

– Пусть ваша помощница выйдет. При ней я не стану отвечать ни на какие вопросы. Подобная бестактность недопустима.

– Простите, ради бога, – пробормотала Карина, вскочила и выскользнула в коридор, бесшумно притворив за собой дверь.

Она сгорала от стыда и умирала от отчаяния. Ну надо же было натворить такого! «Отвлекись, – скомандовала себе девушка. – Ты уже все сделала, что могла. Ситуацию не переиграть. Потом еще раз извинишься перед Галиной Викторовной, попросишь прощения у Пети. Исправить положение ты уже не можешь, так что остается только каяться. Или все-таки еще можно что-то сделать? Успокойся, отвлекись, напиши ответ Петиной маме. И подумай».

Карина немного отдышалась, вытерла кулаком злые слезы, закипевшие в глазах от негодования на саму себя, осмотрелась. Кроме входной двери – еще четыре двери. Скорее всего, туалет, ванная, кухня и вторая комната. Сделала на цыпочках пару шагов, толкнула одну дверь, оказалось – ванная. Ополоснула холодной водой глаза и продолжила изыскания. На кухне порядок, но чистота сомнительная, пол хорошо бы вымыть. Понятно, что хозяйке сейчас невозможно мыть полы, так что отнесемся с пониманием. А здесь что? Вторая комната, совсем небольшая. Спальня. Комод. Книжные полки числом четыре. На трех стоят книги, на четвертой какие-то папки и бумаги. Или не бумаги? Больше похоже на сложенные стопками фотографии.

Она воровато оглянулась, потом сообразила, что, если бы Галина Викторовна вышла из комнаты, было бы слышно, все-таки костыль – это не мягкий тапочек, бесшумно не пройдешь, особенно по паркету. Решительно сдвинула одно из стекол и вытащила первую попавшуюся пачку.

Увиденное ее ошеломило. Карина даже не сразу поверила своим глазам. Все фотографии были однотипными, массовыми, с какого-то мероприятия, черно-белыми. Всего их было около тридцати, при этом шесть верхних имели разительные отличия от остальных: на каждой из них зияли дыры. На двух – по три отверстия, на четырех – по два. Другие снимки были целыми, неповрежденными.

Она положила пачку на место, вытащила другую. Те же фотографии с того же мероприятия. Целехонькие.

Через пару минут Карина медленно вышла из комнаты и устроилась на кухне.

* * *

Петр Кравченко

Выговор по поводу Карины пришлось терпеливо выслушать не перебивая. Кивать и делать удрученное лицо. А что тут скажешь? Демченко права, Карина поступила непозволительно по отношению к нему, Петру, и бестактно по отношению к Галине Викторовне.

– И вообще, я не понимаю, чем вызваны такие вопросы со стороны вашей помощницы, – сердито сказала Галина. – Вы хотите написать об убийстве Жени или об аморалке в моей жизни? Если второе, то милости прошу – дверь найдете сами.

– Видите ли, сын Евгения Петровича уверен, что его отца убили из ревности, и убил его тот, кто бы к вам равнодушен, – осторожно ответил Петр.

Взгляд Галины Викторовны был полон такого изумления, что Петр сразу поверил: она слышит об этом впервые.

– Кто был ко мне равнодушен? Этот сопляк? Этот недочеловек? Да я его видела полтора раза за всю жизнь. Вам, наверное, сказали, что он поджидал меня возле прокуратуры? Да, поджидал, и не один раз, его многие там видели, и что с того? Я с ним даже разговаривать не стала.

Так. Вот это уже интересно. Ничего не складывается, ничего друг другу не соответствует. Значит, какой-то поклонник у молоденькой красавицы Галочки из секретариата все-таки был. А старая зануда Николай Андреевич все никак не доберется до главного. Хотя, если уж совсем честно, все эти подробности о жизни милиции в брежневские времена Петру безумно любопытны. Пусть Губанов тянет резину, сколько захочет, куда торопиться-то? Петр Кравченко сам себе хозяин, им с Кариной отлично живется в Москве, в родную Тюмень отчего-то совсем не тянет, а работать в нынешнее время можно из любой точки земного шара.

– Но тем не менее вдова Евгения Петровича была абсолютно убеждена в том, что ее мужа убили именно из ревности. И детям она говорила то же самое.

– Глупости, – отрезала Демченко. – Все было совершенно не так. Для чего слушать бредни Валентина, который в то время был несмышленищем, когда можно запросить в архиве Мосгорсуда уголовное дело и прочитать?

– В том-то и дело, что у меня пока не получается пробиться в архив, – признался Петр. – Это оказалось неожиданно сложной затеей для человека без связей. Я ведь не москвич, приехал из Тюмени для сбора материала, в столице мало кого знаю.

– Но меня-то вы нашли, – проницательно заметила Галина Викторовна. – Значит, какие-то связи есть.

– Очень скромные, очень. На Мосгорсуд их не хватает.

Петр постарался улыбнуться как можно приветливее, радуясь, что после выходки Карины женщина хоть о чем-то заговорила, а не закрылась в полном молчании.

– И каковы же ваши связи? – поинтересовалась она уже почти совсем дружелюбно. – С кем вы говорили о Жене? Кого расспрашивали?

– Ну, вот сына его, Валентина Евгеньевича.

– А еще?

– Еще разговаривал с Губановым Николаем Андреевичем из Главного управления кадров МВД, но он почти ничего...

Петр не успел договорить. Лицо Демченко застыло, превратившись в уродливую гипсовую маску.

– С кем? – очень тихо и очень медленно произнесла она. – С Губановым?

– Да.

– Не произносите эту фамилию в моем доме, – процедила она сквозь зубы. – Разговор окончен. Больше я не скажу ни слова. Идите к своему этому... Развешивайте уши и слушайте, что он вам в них нальет. Губанов... Надо же...

Она сделала паузу и вдруг громко и почти визгливо крикнула:

– Вон отсюда!

* * *

Карина

«Вон отсюда!» Карина услышала. И почти одновременно раздался щелчок открываемого замка.

– Галина Викторовна, это я! Продукты принес!

Девушка выскочила из кухни и почти столкнулась одновременно с Петром, вышедшим из комнаты, и с молодым мужчиной, возникшем на пороге квартиры. В руках у него были пакеты с логотипом дорогого сетевого магазина.

Мужчина с тревожным недоумением посмотрел на Петра и Карину и крикнул уже в полный голос:

– Галина Викторовна! Вы дома? Все в порядке?

Петя молодец, быстро сориентировался: распахнул дверь в комнату, чтобы пришедший увидел хозяйку, восседавшую на диване. Демченко даже не обернулась, так и сидела лицом к окну.

– Явился, Альфонс? – язвительно бросила она. – Отнеси все на кухню и убирайся. Глаза б мои тебя не видели.

На лице мужчины с таким несовременным именем не дрогнул ни один мускул. Похоже, он привык к подобному обращению. Карина с любопытством смотрела на него: красивый, высокий, длинные волосы забраны в хвост резинкой. Хорошо сложен, худощавый, одет совсем просто – легкая темная куртка, поношенные джинсы, кроссовки не первой молодости. Он деловито понес покупки на кухню, Карина скользнула следом.

– Давайте помогу.

– Спасибо, я справлюсь, – лаконично ответил красавец с «хвостом».

– Когда выгоняют, хочется убраться побыстрее.

Он поставил пакеты на стол и улыбнулся:

– Не обращайтесь внимания. Она всегда со мной так разговаривает, я привык. Пожилой человек, к тому же после операции. Нервы.

– Нас тоже выгнали, – сообщила Карина.

Краем глаза она видела Петю, который молча стоял на пороге кухни и наблюдал.

– Значит, сегодня плохой день, – вздохнул мужчина и протянул ей упаковку замороженного мяса. – В морозилку положите. Всю молочку – на среднюю полку в холодильнике. А овощи я сам разложу, вы не разберетесь.

– Вы – помощник по хозяйству? – с невинным видом спросила она.

– Зять. Муж дочери.

Он быстро вынимал и расставлял в навесном шкафу пачки макаронных изделий. Упаковки были Карине незнакомы, и она постаралась выхватить глазами названия. Пенне из гречневой муки, вермишель из камута, тальятелле из полбы... Похоже, Галина Демченко следит за здоровьем и питается исключительно «правильными» продуктами.

– Вы сказали, что сегодня у Галины Викторовны плохой день. Часто это бывает?

Зять Демченко усмехнулся:

– Чаще, чем хотелось бы. Но сейчас еще ничего, раньше было хуже.

Он вытащил из контейнера мусорный пакет, аккуратно завязал ручки, достал из ящика рулон, оторвал и вставил новый пакет.

– Все, можно выметаться. Вы тоже уходите или остаетесь?

– Уходим. Нас же выгнали.

– А, ну да... Галина Викторовна! – Он с мусором в руках вышел в коридор и остановился на пороге комнаты. – Я ухожу, ваши гости тоже. Если что-то будет нужно – звоните. До свидания.

Голос ровный, спокойный, без тепла, но и раздражения в нем тоже не слышалось. Интересно, он в самом деле совершенно бесчувственный или просто умеет держать себя в руках? Если бы с Кариной кто-то попробовал обращаться так, как Галина Демченко со своим зятем, вряд ли все выглядело бы столь мирно и безмятежно. Да пух и перья летели бы!

Демченко ответить не соизволила.

Они вышли из квартиры втроем, спустились по лестнице пешком. Всего-то третий этаж, к чему гонять лифт?

На улице дружно остановились и глубоко вдохнули, впустив в легкие влажный от недавнего осеннего дождя воздух.

– Тяжелый человек ваша теща, – сочувственно проговорила Карина.

– Да, трудно возразить, – кивнул зять Галины. – А вы кто вообще?

– Простите, мы не представились. – Петя, кажется, наконец очнулся. – Я журналист, Петр Кравченко, собираю материал об убийстве одного следователя, которого когда-то знала Галина Викторовна. А это Карина, моя подруга. Ну, в смысле, моя девушка.

– Дмитрий.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Дмитрий? – удивилась Карина. – А я думала, вас зовут Альфонсом, Галина Викторовна вас так назвала.

Дмитрий рассмеялся, но как-то невесело:

– Не с заглавной буквы, а со строчной. Альфонс как типаж, понимаете? Галина считает меня молодым охотником за богатыми возрастными дамочками.

– Но почему? – удивился Петр. – Какие у нее основания? Вы же муж ее дочери!

– Вот именно поэтому. Моя жена старше меня на тринадцать лет, Галина считает, что это неприлично. И еще она считает, что я позарился на деньги. Да, моя жена – состоятельный человек, у нее свой бизнес, но я-то себя тоже не на помойке нашел. Моя теща считает меня нищим, ей даже в голову не приходит, сколько могут зарабатывать хорошие айтишники. А я не просто хороший, я очень хороший специалист.

– Неужели ваша теща до такой степени не верит в любовь? – подала голос Карина.

– Получается, что так. А вы чем ей не угодили?

– Разговорами все о той же любви. Кажется, для Галины Викторовны это болезненная тема, куда ни ступишь – нарываешься на мину.

Дмитрий недоверчиво прищурился:

– Вы же сказали, что пришли расспросить о каком-то следователе, которого Галина знала по работе в прокуратуре. При чем тут любовь?

Карина лихорадочно прикидывала в уме даты и числа. Ей очень хотелось загладить свою вину перед Петром, сделать что-нибудь полезное, помочь ему, чтобы исправить то, что она ухитрилась испортить. Сколько лет этому Дмитрию? На вид двадцать пять – двадцать восемь. Жена на тринадцать лет старше. Галина Перевозник, ныне Демченко, в восьмидесятом году была беременна. Родила или сделала аборт?

Ну, была не была. Но если она сейчас опять сделает не то, Петька ее убьет. И будет прав, между прочим.

– Мы пришли поговорить о Евгении Петровиче Садкове. Насколько нам известно, это отец вашей жены, у него был длительный роман с Галиной Викторовной.

А Дмитрий-то, похоже, ни капли не удивился. Но насторожился.

– Да, это так. Садков действительно был отцом моей жены. Во всяком случае, именно это утверждает Галина Викторовна, отчество у Елены – Евгеньевна, а уж проверить я, сами понимаете, никак не могу.

– То есть вы сомневаетесь? – уточнила Карина. – Думаете, отцом вашей супруги мог быть кто-то другой?

Она старалась не смотреть на Петю, чтобы не наткнуться на его взгляд. Она знала, что лезет в чужой огород, задает незнакомому человеку вопросы об интимной жизни его родственницы, короче, ведет себя как Маугли, который не понимает социальных норм и не знает правил поведения в приличном обществе. И ведь всего каких-нибудь полчаса назад она уже получила за это, но снова делает то же самое. Однако есть разница. Галина Викторовна – это одно, а молодой айтишник – совсем, совсем другое. Тем более один из лучших. У хороших айтишников мозги устроены принципиально иначе, нежели у других людей, тем более пожилых. То, на что смертельно обижаются подавляющее большинство, ай-ти-специалист может вообще не заметить. Так что риск более или менее оправдан.

– Вы только не подумайте, что мы собираем сплетни, – торопливо принялась пояснять Карина. – Нам совершенно все равно, кто был отцом вашей жены. Нас... точнее, Петра инте-

ресует, как погиб Садков. Просто некоторые считают, что его убили из ревности и что преступником был человек, влюбленный в Галину Викторовну.

Дмитрий пожал плечами, но настороженность из глаз не исчезла.

– Ничем не могу помочь, к сожалению. Об отце Лены, моей жены, в семье никогда не говорится, эта тема закрыта. Галина моментально пресекает любые попытки обсудить что-то из этой области. Родила от Садкова, он был следователем, его убили. Это все, что Галина позволяет озвучивать, остальное покрыто мраком. Так все-таки, что же конкретно вы сказали моей теще, что она вас выгнала?

Карина наконец набралась храбрости и посмотрела на Петра. Ожидала увидеть на его лице злость, даже негодование, однако глаза его блеснули азартом. Ей стало легче.

– Галина Викторовна спросила, с кем еще я беседовал, у кого собирал информацию, – сказал Петр. – И я назвал Николая Андреевича Губанова. После этого ее как подменили. Она отказалась разговаривать со мной и велела убираться вон.

Дмитрий помолчал несколько секунд, о чем-то напряженно размышляя. Ну, по крайней мере, Карине так показалось. Может, он прикидывал, есть ли у него время, потому что посмотрел в телефон.

– У меня есть минут сорок-пятьдесят. Если хотите, можем выпить кофе, здесь за углом есть подходящее заведение. Попробую вам кое-что объяснить.

– С удовольствием! – тут же отозвалась Карина.

– Только вам придется подождать пару минут, я добегу до мусорки, выброшу мешок и возьму кое-что из машины.

Он быстрыми шагами двинулся вдоль дома в сторону выгородки, где стояли контейнеры для мусора. «Пара минут, – подумала Карина. – Нужно успеть».

– Петя, прости меня, пожалуйста. Я очень виновата. Сама не знаю, что на меня нашло в тот момент, как будто дьявол за язык потянул. Если ты знаешь, что я могу сделать, чтобы это исправить, – только скажи, я все сделаю. Пожалуйста, прости меня.

Петр обнял ее за плечи, легонько прижал к себе.

– Ты, конечно, здорово напортила, и я ужасно злился на тебя. Но теперь думаю: а может, это и к лучшему? Если бы ты не разозлила эту старую перечницу, может, она не среагировала бы на имя Губанова, не выгнала бы нас, и мы не разговорились бы с Дмитрием. А он, кажется, не такой закрытый, как его обожаемая тещенька. Хотя толку с него будет немного, про убийство он все равно ничего не знает. Но если расскажет что-нибудь про Галину, про ее характер и образ мысли, это может оказаться полезным. Никогда не угадаешь, в каком месте и по какому случаю вдруг вылезет интересная информация.

Петин голос был совсем не сердитым, даже почти ласковым. Господи, какое облегчение!

– Я тоже так подумала, – быстро заговорила Карина. – Он же айтишник, у него представления совсем другие должны быть.

– Представления о чем?

– О том, что прилично обсуждать, а что неприлично. Эти ребята такие особенные, они совсем по-другому думают и по-другому относятся к жизни. Интересно, какая у него машина.

– А тебе не все равно?

– На нем одежда не новая, но очень дорогих брендов. То есть куплена давно, несколько лет назад, но в момент покупки она стоила кучу денег, потому что была на пике моды, последняя коллекция.

– А ты несколько лет назад, конечно, уже разбиралась в пиках и коллекциях, – насмешливо проговорил Петя.

– Конечно, разбиралась. А как прикажешь косяки вылавливать, если по каждому поводу не проводить факт-чекинг? Поневоле освоюшь материальчик. Например, герой носит лоферы, проверяю – а в тот год, когда происходит действие, даже слова такого еще не знали.

Она собралась было поделиться с Петей своими соображениями о финансовом положении Дмитрия, но не успела. Зять Галины Демченко стремительно приближался. Подойдя к ним, сказал:

– Сейчас, еще момент, добегу до машины. Вон она, на платной парковке.

Он подошел к большому черному внедорожнику, открыл переднюю дверь с пассажирской стороны, достал что-то из бардачка, сунул в карман куртки.

– Машина тоже старой модели, но очень дорогая, – шепнул Петр. – Та же история, что и с одеждой. Хочешь сказать, что раньше было много денег, а теперь их не стало?

– Масса вариантов, – прошептала Карина в ответ. – Ты же знаешь, как я люблю придумывать ответы на вопрос «Как же так вышло?». Дома обсудим.

* * *

Заведение, куда привел их Дмитрий, оказалось довольно просторным, но совершенно пустым.

– Сейчас удачное время, – пояснил он, усаживаясь за столик в углу возле окна. – Рядом огромный офисный комплекс, и в обеденное время здесь аншлаг. Готовят вкусно, обслуживают быстро, а цены более чем демократические. И по вечерам, когда заканчивается рабочий день, тоже зал бывает полным: кому-то после работы хочется что-то обсудить с коллегами, кто-то отмечает успешную сдачу проекта, у кого-то день рождения и так далее. А в остальное время здесь пусто и тихо.

Он достал телефон, написал какое-то сообщение, отправил.

– Простите, это по работе.

Петр заказал кофе, Карина и Дмитрий попросили чаю. Разговор сразу зашел о машинах, сложностях московского трафика и проблемах с парковкой.

– Иметь свою машину вообще никакого смысла теперь нет, – сказал зять Демченко. – Года два назад я еще носился с мыслью купить новую тачку, хорошо, что вовремя остановился. На этой доезжу, пока не развалится, и буду завершать водительскую карьеру. Проще на такси ездить, голова не болит о том, где машину оставлять.

Карина оживленно поддерживала беседу, давая возможность Петру собраться с мыслями и сформулировать нужные вопросы. Но Дмитрий первым перешел к делу:

– У меня осталось полчаса. Вы же не о машинах хотели поговорить?

– Вы обещали кое-что прояснить, – напомнил ему Петр. – О Галине Викторовне.

– Да... – Дмитрий неожиданно замялся. – Кажется, я погорячился и ввел вас в заблуждение. Пояснять особенно нечего. Просто хотел, чтобы вы поняли, что я не охочусь за богатыми дамами. Я действительно люблю свою жену. Когда мы познакомились, я был самым молодым и самым крутым спецом в крупном банке, а она – клиенткой этого банка. Шел по коридору, она навстречу идет, со своим персональным менеджером о чем-то разговаривает. Увидел ее, голос услышал – и все, пропал с концами. Верите, что так бывает?

– Верим, – с серьезным видом кивнула Карина. – А дальше как было?

– Да как обычно. Узнал, кто она, выяснил, когда в следующий раз придет, подкараулил, придумал повод, познакомился. Делов-то! Но потом все стало сложно, конечно. Лена меня все-ррез не воспринимала, в ее глазах я был зеленым пацаном. Она-то состоявшаяся бизнес-леди, за спиной два брака и два развода, а я что? Мальчишка! Ну да, денег у меня было достаточно, но для нее это не аргумент, у нее своих полно. И вот я начал мозги наизнанку выворачивать, придумывать, чем бы поразить ее воображение. Какие-то немыслимые поездки организовывал, подарки на заказ, с учетом ее интересов и вкусов, сюрпризы устраивал... О разнице в возрасте вообще не думал, влюбился так, что аж в глазах темно. А Лена об этой разнице очень даже думала. И выходило, что для интима я гожусь, а для человеческих отношений не подхожу. В

общем, два года мы вот так протянули, потом Лена познакомила меня с матерью. Тут все и решилось.

– Это как? – с любопытством спросил Петр. – Галина Викторовна убедила дочь, что вы ей подходите?

Дмитрий рассмеялся:

– Сегодня вы сами видели, как Галина ко мне относится. Так вот, три года назад это было раз в десять хуже. Или даже в двадцать. Не стану пересказывать в красках, но это было ужасно, можете мне поверить. Лена выскочила из дома, я следом за ней, на улице она разрыдалась, говорила, что ей стыдно за свою мать, просила прощения. Я ее утешал, уговаривал не сердиться на Галину, не обижаться. Сказал, что у каждого человека внутри сидят свои травмы, и обычно людям даже в голову не приходит, что у кого-то другого травмы тоже есть, но совсем другие. То, что лично вам кажется совершенно нормальным, другому человеку может причинять невыносимую боль, и наоборот: то, что ранит и обижает лично вас, для другого – ерунда, не стоящая внимания, и он не может взять в толк, на что вы так обиделись и из-за чего такая буря эмоций. Ну, что-то вокруг этого ей говорил. А Лена тогда посмотрела на меня, вытерла слезы и сказала: «Посмотри, вот я стою перед тобой, опухшая, с красным носом, с невыносимой матерью. Старше тебя на тринадцать лет. Ты все еще готов?» Я поверить не мог своему счастью! И понял, каким же был дураком. Хотел подарками и сюрпризами ее впечатлить, а оказалось, что ей нужно было совсем другое. После этого мы и поженились.

К третьему замужеству дочери Галина Викторовна Демченко отнеслась настолько плохо, что даже на свадьбе не появилась. И немедленно съехала из просторного загородного дома Елены в свою старую квартиру на Текстильной улице.

– После второго развода Лены мать жила с ней. Вообще-то Галина не собиралась, она переехала к Лене на время, пока в этой квартире делали ремонт, но как-то прижилась. А из-за меня снова уехала. Видеть меня не желает. Но теперь, – Дмитрий усмехнулся, – ей придется терпеть, пока нога не восстановится полностью. Хотя она не особенно старается терпеть. Честно говоря, совсем не старается. Ну, вы сами все видели.

Карина собралась было спросить кое-что «про любовь», но Петр первым успел задать вопрос:

– Вы сказали, что раньше Галина Викторовна вела себя с вами еще хуже, чем сейчас. Значит, она как-то смягчилась? Приняла вас в качестве зятя?

Дмитрий долго молчал, не отрывая взгляда от своей чашки, до половины наполненной зеленовато-желтым травяным чаем. Потом полез в карман, достал маленький флакончик, запрокинул голову, закапал в глаза. «Вот что он брал из машины», – догадалась Карина.

– Вечная проблема компьютерщиков, – сказал он с извиняющейся улыбкой. – Приходится капать каждые два-три часа, в глазах щиплет, роговица сохнет.

И снова умолк, медленно и тщательно заворачивая крышечку на флаконе. Карине показалось, что даже слишком медленно.

– Дело не во мне, – произнес он наконец. – Галина... У нее не все в порядке с головой. Она и с Леной так же обращается. Какое-то помутнение на нее находит, и она начинает лепить все подряд, не фильтруя, не выбирая выражений. Или замыкается в глухом молчании, не разговаривает, на вопросы не отвечает. Нет, я неправильно выразился... Не с головой у нее беда, а с характером.

– Но сейчас стало лучше? – настойчиво уточнил Петр.

– Да, но не знаю, надолго ли. Одно время было совсем хорошо, Лена приезжала от матери спокойная, даже веселая. Потом снова стало ухудшаться. Но сейчас все-таки не так ужасно, как раньше. Мне Лену жалко, очень жалко, она после каждой встречи с матерью ходит больная, Галина обязательно чем-нибудь ее обидит, ну не может она без этого. Поэтому если есть

возможность, я себя подставляю под удар, а Лену берегу. Мне-то по барабану, пусть обзывает как угодно, а Лене зачем это все слушать?

«Похоже, он действительно любит свою жену, – подумала Карина. – Надо же, как бывает: два года ухаживал, старался, пыжился-тужился, изображал из себя крутого, а оказалось, что нужно всего несколько правильных слов, чтобы другой человек увидел, каков ты на самом деле».

– Вы не знаете, почему Галина Викторовна так болезненно отреагировала на имя Губанова? – задал Петр свой следующий вопрос. – Она когда-нибудь упоминала о нем?

Дмитрий снова пожал плечами:

– Впервые слышу эту фамилию. Сами видите, Галину можно вывести из себя в любой момент, причем невозможно заранее угадать, что именно ее взбесит. Это я к тому, что если вы надеетесь прийти еще раз и попытаться поговорить с ней, то...

– Безнадежно? – понимающе подхватила Карина.

– Как повезет. Но скорее всего, не повезет, – кивнул Дмитрий. – Одно неосторожное слово – и вас опять выгонят. Если она вообще согласится на повторную встречу. А это вряд ли. Только время потратите. Кстати, а кто такой Губанов?

* * *

Петр Кравченко

Пока добирались до дома, зарядил дождь, не по-осеннему сильный и вдобавок с ветром. Когда ехали к Галине Демченко, погода была тихой и приятной, и ни Петру, ни Карине мысль о том, что надо бы взять зонт, даже в голову не пришла. Мокнуть под дождем не хотелось, и они решили оставить машину максимально близко к подъезду, а в магазин уже не идти.

– Наскребем еды из того, что есть в холодильнике, – сказала Карина. – На один раз хватит, а когда перестанет лить – сбегает в магаз. Или закажем доставку.

По дороге обсудили визит к Галине Демченко и пришли к выводу, что в этом направлении вряд ли чего-то добьются. Правда, Петру показалось, что Карина соглашалась с ним только для виду, а на самом деле думала иначе. Ну, понятное дело, после того, что случилось у Демченко, ей хочется быть белой и пушистой, чтобы снова не сердить его. Сейчас она ни за что не станет спорить с Петром, даже если он заявит, что Земля стоит на трех китах.

Галина Викторовна ничего не расскажет о своем любовнике Евгении Петровиче Садкове, это понятно. А ее дочь Елена? Здесь объективной информации тоже не дождешься, Елена своего отца никогда не видела, родилась уже после его смерти, и все, что она о нем знает (если вообще хоть что-то знает), известно ей со слов матери. А можно ли этим словам доверять? Дмитрий вполне доходчиво объяснил, что нельзя. Он постарался быть максимально деликатным, говоря о проблемах с характером, но по всему выходило, что проблемы у Галины вовсе не с характером, а именно с головой. И потом, какая нормальная мать станет признаваться своему ребенку, что одного ее любовника убил другой любовник? Как-то не комильфо. Наверное, настоящий сыщик все равно попытался бы поговорить с Еленой Евгеньевной, порасспрашивать ее, но, во-первых, Петя Кравченко не сыщик, а обыкновенный журналист, и задачи перед ним стоят совсем другие, а во-вторых, этой дамы все равно нет в стране, она сейчас в Лондоне, в какой-то бизнес-школе повышает квалификацию. Разговоры на столь деликатные темы нельзя вести онлайн, только лично, глаза в глаза.

Но если Садкова убили все-таки не из ревности, а по другой причине, то почему вдова следователя настаивала именно на этой версии?

В общем, полная непонятка. И старый пень Николай Андреевич Губанов знает ответ, но тянет кота за причинное место.

– Наверное, придется признать, что Садкова я для книги отобрал ошибочно, его смерть не связана с исполнением служебного долга, а если и связана, то как-то очень косвенно, – сказал Петр, когда они пришли домой.

– Собираешься бросить?

Голос у Карины был странным. Петр отметил, что по мере приближения к дому девушка становилась все более напряженной и даже словно бы испуганной. Что это с ней? Боится, что вот сейчас-то и начнется настоящая выволочка за неосторожно сказанные слова? Думает, что Петр не хотел затевать разборку ни при Дмитриии, ни в машине, сделал вид, что все в порядке и он не сердится, а дома уж оторвется по полной? Господи, вот дурочка! Неужели за все время, что они вместе, Карина не поняла его характер?

– Нет, бросать не стану. Хочется понять, что за историю мне рассказывает Губанов. Там явно что-то есть, какая-то фишка. Ну и вообще, интересно стало. Даже если Садков не подходит для этой книги, все равно материал любопытный. Знаешь, у людей в головах живет стереотип, что, дескать, если убивают сотрудника правоохранительных органов, то автоматически считается, что он геройски погиб при исполнении. А они ведь точно такие же люди, как мы все. С точно такими же проблемами. И их могут убить за что угодно, как и любого из нас. Из ревности, при ограблении, из хулиганских побуждений, по пьяни... Я даже подумал, что следующую книгу напишу именно об этом, соберу материал о полицейских, следователях, прокурорах, судьях, которых убили по самым обычным мотивам, как простых смертных, а не героических небожителей.

Петр старался говорить весело и увлеченно, чтобы Карина поняла, что он не намерен затевать ссору, и уже расслабилась. Но она слушала и словно уменьшалась в размерах. Съеживалась, что ли... Да что с ней такое?!

– У тебя что-то болит? – озабоченно спросил он. – Ты прямо сама не своя.

Карина уселась на диван, судорожно сжимая руками свой рюкзачок, который обычно валялся в прихожей.

– Петя, я не буду просить, чтобы ты не ругался... – начала она дрожащим голосом.

– Да я и не собираюсь, – улыбнулся Петр. – Ты что, Кариша? Все в порядке, проехали. Ты же знаешь, я отходчивый и не злопамятный. И потом, я тебе уже сказал, что все к лучшему.

Она удрученно покачала головой:

– Я не про это. Я совсем плохое сделала, Петя. Если ты будешь сильно ругаться, то я готова. Я заслужила.

Петр не на шутку перепугался. О чем это она? Что случилось?

Карина молча расстегнула рюкзачок, вытащила две фотографии, протянула ему.

– Что это?

– Сам посмотри.

Он посмотрел. Черно-белые, отпечатанные на специальном принтере. Явно очень старые, сделанные на пленку и впоследствии оцифрованные. Народу много, толпа какая-то. И что?

– Петя, я их украла, – упавшим голосом призналась Карина. – У Демченко. Когда она меня выгнала, я зашла в другую комнату, а там...

Так. Понятно. Чистая душой, честная девочка даже не ведает, какими праведными и неправедными путями журналисты порой добывают информацию, нужную для их расследований. Она имеет дело с уже готовыми текстами и не очень хорошо представляет, каким потом, кровью, уговорами, хитростями и ложью эти тексты порой создаются.

– ...Из тех, которые с дырками, я побоялась брать, их было всего шесть, Галина может заметить, если что-то пропадет, – рассказывала Карина, слегка запинаясь. – Я взяла две точно такие же, но целые, и ногтем отметила тех людей, у которых головы проколоты. Вот на этой две

дырки, здесь и здесь, — она показала кончиком пальца, — а вот на этой три. Там этих фотографий штук сто, не меньше, Галина точно не заметит, вряд ли она их постоянно пересчитывает.

Петр опустился на пол рядом с диваном, поднес снимки к глазам.

— Ну ты даешь, — выдохнул он.

В толпе на фотографиях мужчины в пальто и меховых шапках, в форменных шинелях и фуражках, у некоторых на головах папахи, женщины в черных платках.

— Похороны Садкова? — предположил он неуверенно.

— Я тоже так подумала. А те трое, на которых дырки, все в шинелях. Интересно, кто это?

Лица на снимках были совсем мелкими. Петр напряг зрение, прищурился. Нет, не получается.

— У нас лупа есть?

— У тебя в ноже, — ответила Карина не задумываясь. — А нож ты в последний раз брал, когда приворачивал шуруп на кухне, на дверце шкафчика, тебе нужна была отвертка. Наверное, там и оставил. Принести?

— Я сам, — вскочил он.

Нож и в самом деле валялся на кухне на подоконнике. Чего в этом ноже только не было! В толстой рукоятке прятались и штопор, и отвертка, и кусачки, и пилка для ногтей, и ножнички. Даже маленькая лупа была.

Под увеличительным стеклом лица не стали четче, наоборот, черты размывались, но зато сделались крупнее, и в одном из мужчин Петр без колебаний опознал Николая Андреевича Губанова, только значительно моложе. Ну да, на сорок лет, если на фото действительно запечатлены похороны следователя Садкова. Вот интересно, с какого перепугу эмвэдэшный кадровик Губанов заявился на похороны следователя областной прокуратуры? Был лично знаком? Или как? Уж сколько часов Петр разговаривал с Николаем Андреевичем, а тот ни разу не обмолвился о том, что знал Садкова. Вот же хитрый лис! Хотя, возможно, он вовсе не хитрый лис, а полный склеротик и маразматик...

Второй из помеченных Кариной персонажей тоже в форме, но сколько звездочек на погонах и большие эти звездочки или маленькие, с того ракурса не видно. Молодой, высокий, плечистый. Кажется, даже симпатичный.

Третий — невысокий, с двумя звездами на погонах, подполковник.

— А Галина там есть? — спросила Карина. — Дай я сама посмотрю. Интересно, какой она была в молодости. Должна быть обалденно красивой.

Петр протянул ей фотографии и лупу. Карина долго рассматривала снимки и разочарованно вздохнула:

— Вроде нет. Во всяком случае, я не нашла. Зато есть вдова Садкова, вот эта, видишь?

— Почему ты решила, что это она?

— Ее с двух сторон поддерживают под руки. Обычно так бывает с матерями и женами, но тут явно не мать, взгляни.

Петр посмотрел и признал, что Карина права. Женщина, которую поддерживали под руки двое мужчин, в матери Садкову не годилась. Кроме того, налицо было заметное сходство вдовы с сыном, с которым Петр встречался совсем недавно. Значит, вот как выглядела мать Валентина Евгеньевича, всю жизнь поносившая покойного мужа за измену и воспитавшая детей в стойкой ненависти к нему...

«А что, если дело именно в ненависти? — вдруг подумал Петр. — Не было никакого убийства из ревности, просто женщина не смогла простить измену. Сначала надеялась, что все наладится, муж наиграется в страстную любовь и вернется, держала себя в руках, перед детьми берегла репутацию отца и лгала про трудную работу и длительные командировки. А когда Садкова убили, поняла, что ничего уже не станет, как прежде, и все ее многомесячные усилия, все попытки смирить гордость и изображать всепрощение, все те унижения, которые она пре-

терпевала, – всё было напрасным. И она сорвалась. Любовь и готовность простить мгновенно переродились в лютую ненависть. Она даже не захотела, чтобы дети считали отца героем, павшим при исполнении служебного долга. Сын и дочь должны были всю жизнь думать о нем как о мрази последней. Что ж, вдова своего добила».

– Получается, Губанов еще может рассказать много интересного, – заметила Карина, когда Петр поделился с ней своими соображениями. – Он и на похоронах был, и Галина о нем слышать не желает. За что же она его так ненавидит? Что он мог ей сделать?

Они в четыре руки резали зелень и овощи на салат, на плите в кастрюле варились спагетти.

– При этом объектом ненависти является не только Губанов, но и еще двое каких-то ментов, – добавил Петр.

– Уверен, что ментов? Может, это прокурорские? Ты хорошо рассмотрел знаки отличия? Там точно милиция, а не юстиция? Или, может, внутренняя служба? Или военные?

Петр осекся. Карина права, он отметил только сам факт форменной одежды, а знаки не рассматривал. Разве реально на такой мелкой фотке разглядеть петлицы и прочие детальки? У военных и офицеров внутренних войск форма зеленая, у милиции – серая, у юстиции – синяя. Будет ли отличаться цвет на старой черно-белой фотографии? Может, хоть так...

Он торопливо вытер руки кухонным полотенцем и помчался в комнату. Поднес фотографии поближе к свету, всмотрелся. Да, цвета отличаются. У Губанова один, чуть темнее, у двоих неизвестных – другой, то ли светлее, то ли другого оттенка. Странно... Если Николай Андреевич носил серую милицескую форму, то к какому роду войск могли принадлежать эти двое? У кого форма более светлая? Черт! Это было так давно! Петр тогда еще не родился, его родители даже не познакомились, откуда ему знать, кто какую форму носил в те годы.

Надо позвонить Каменской, она должна помнить.

Она действительно помнила.

– У военных моряков, – тут же ответила она. – Они могли носить белые кители. У маршалов и генералов всех родов войск парадный китель был светло-серым. А откуда такой странный вопрос?

Но Петр пропустил вопрос мимо ушей. Ему нужны были ответы.

– Если Губанов носил серую форму, то кто мог носить более светлую?

– Сильно более светлую?

– Нет, совсем чуть-чуть, оттенок другой. На черно-белой фотографии. С похорон Садкова, – уточнил он зачем-то.

– Я смотрю, вы значительно продвинулись в своем расследовании, – усмехнулась Каменская. – Должна вас разочаровать, Петенька, Губанов мог носить милицескую форму только в начале своей карьеры. Если речь идет о восьмидесятом годе, когда хоронили вашего Садкова, то все кадровики министерского уровня уже носили зеленую форму и аттестовывались как офицеры внутренней службы. А вот та форма, которая показалась вам чуть-чуть другого оттенка, как раз может быть милицеской. Речь о кителе или о шинели?

– Шинель. Похороны были в холодный сезон, гражданские все в зимних шапках.

– А знаки отличия? Кокарды, петлицы, шевроны, значки на погонах?

Да сговорились они, что ли?! Сначала Карина, теперь вот Каменская.

– Не видно, Анастасия Павловна, очень мелко. Я уж и с лупой рассматривал.

– Тогда вам остается только спросить у самого Губанова, кто эти люди.

– Да я понимаю, но...

Он замялся.

– Вас что-то смущает? – догадалась Каменская.

– Мне кажется, Губанов чего-то не договаривает.

– Даже так? И вы хотите что-то узнать, чтобы быть уверенным, что он вас не обманывает?

Пришлось признаться, что все так и есть. Хотя было ужасно неловко.

– Петенька, не мне вас учить, вы лучше меня знаете, как пользоваться интернетом. Там все есть, все картинки, вся история вопроса. Погуглите и посмотрите. Я понимаю, что вам хочется получить все ответы как можно быстрее и проще спросить, чем искать. Но в данном случае лучше все-таки поискать и внимательно рассмотреть самому, чем объяснять по телефону тонкие цветовые нюансы. Кстати, вы ездили к любовнице Садкова? Говорили с ней?

– Да, спасибо вам огромное за помощь! Как раз сегодня с ней встречался.

– Она рассказала что-нибудь полезное?

– Ничего. Она немного не в себе. Но почему-то люто ненавидит Губанова. Как только я назвал его имя – тут же выгнала меня и не захотела больше разговаривать.

– Вот даже как... – Каменская помолчала. – Это любопытно. Очень любопытно. Ладно, завтра мне обещали подобрать еще информацию по этой даме. Может, что-нибудь прояснится.

Петр сунул телефон в карман и вернулся на кухню.

– Петь, спагетти стынут, давай уже садись, – сердито проговорила Карина.

Обиделась, наверное, что он разговаривал с Каменской в комнате, как будто Карина не имеет никакого отношения к делу. Да нет же, он не делал никакого секрета из своего звонка Анастасии Павловне, просто пошел еще раз взглянуть на снимки, ну и... Ох, если-палки, ну почему с женщинами всегда так трудно? Почему они вечно цепляются к мелочам и раздувают из них целое огромное событие? Где мысль осенила – с того места и позвонил, нормальное поведение. По женским понятиям, наверное, следовало бы разыграть целое действо: сначала посоветоваться, а не позвонить ли Каменской; потом обсудить перечень вопросов, которые предстоит задать; потом принести телефон, поставить на громкую связь и разговаривать, чтобы Карина все слышала. Вот тогда все было бы правильно и никаких обид, она не сочла бы, что ее отодвинули и ею пренебрегают. Но это ж сколько лишних телодвижений пришлось бы совершать!

– Каменская ни в чем не уверена и посоветовала посмотреть картинки в интернете, – сообщил он, накручивая на вилку спагетти при помощи столовой ложки. – Так что пожрем – и займемся, ладно? Ты уж извини, что я тебе сегодня не даю поработать, но без тебя мне не справиться. У тебя с мелкими деталями лучше получается.

– Не подлизывайся, – проворчала Карина.

Но довольную улыбку спрятать не смогла.

* * *

К вечеру у Петра двоилось в глазах от пристального рассматривания картинок на экране ноутбука. Зато появилась твердая уверенность: Николай Андреевич Губанов действительно запечатлен на фотографии в форме полковника внутренней службы, а неизвестные подполковник и молодой офицер – в милицеской форме.

– У Галины точно кукуха слетела, – сказала Карина.

Она лежала на полу и «разгружала спину», поочередно вытягивая то ноги, то руки.

– Ты уже придумала ответ на свой любимый вопрос «Как же так вышло»? – рассмеялся Петр.

– Еще не придумала, но я в процессе. Вот смотри, что получается.

Петр устроился на диване поудобнее и приготовился слушать. Дождь все лил, шуршал по оконным стеклам, уже стемнело, и было так уютно, так радостно просто сидеть и слушать, как твоя любимая девушка пересказывает мысли, пришедшие ей в голову. Апатия прошла, как не бывало, работа снова казалась интересной и нужной. А через полчаса привезут заказанную пиццу «Четыре сыра» и салат с креветками, и вечер станет просто восхитительным.

– Есть три человека: твой старик Губанов и еще двое. Все из структур МВД. Спустя какое-то время после похорон Галина получает фотографии. Каким образом? Такие фотографии отдают членам семьи, а не сотрудникам и тем более не любовницам. Значит, можно предположить, что она их добывала по собственной инициативе. Нашла фотографа, попросила фотки. Или даже выкупила у него пленку. До этого момента мне по-человечески все понятно: похороны ее любимого мужчины, отца ее будущего ребенка, хочется оставить хотя бы такую память о нем. Вряд ли у них были прижизненные совместные фотографии.

– Почему «вряд ли»?

– Ну а как ты себе это представляешь, Петь? Кто будет их фотографировать? У них служебный роман, надо от всех прятаться. Просить кого-то щелкнуть, потом нести в ателье на проявку и печать. А селфи тогда не делали. То есть делали, конечно, но это было очень геморно: фотоаппарат, тренога, специальный таймер... В общем, если я говорю «вряд ли», то так и есть. Я про те времена знаю больше, – авторитетно заявила Карина.

Петр, честно говоря, сомневался, но спорить не стал. Ему куда интереснее было понять ход ее мысли, нежели уличать в некомпетентности. А поспорить вполне можно было, ведь Садков ушел из семьи и несколько месяцев, вплоть до гибели, жил с Галиной. Неужели в прокуратуре об этом никто не узнал? Получается, не так-то уж сильно он парился насчет приватности своей личной жизни. Хотя... Если вели себя аккуратно и осмотрительно, то могли и не узнать. Была реальная опасность, что жена Садкова поднимет скандал, обратится к руководству или в партийную организацию. Почему Евгений Петрович пошел на такой риск? Мог ведь в три секунды вылететь с должности за то, что бросил жену с двумя детьми, один из которых только-только родился. Из партии, как известно, и за меньшее исключали, а человека, исключенного из партии, вряд ли будут держать на должности следователя по особо важным делам. Значит, Садков каким-то образом подстраховался, заручился высокой и надежной поддержкой, чтобы чувствовать себя в безопасности в случае скандала. Либо, как вариант, твердо знал, что жена в парторганизацию не обратится. Да, пожалуй, так и было. Валентин, сын Садкова, говорил, что мать была очень гордой. На этом Евгений Петрович и сыграл. Вполне возможно, даже сознательно поддерживал в супруге иллюзию того, что скоро он перебесится и вернется в лоно семьи, чтобы она понимала: если попытается воздействовать на неверного мужа через служебно-партийные рычаги и устроит скандал, то он совершенно точно уже не вернется.

– Нет, все-таки пленку Галина не выкупала, – задумчиво продолжала Карина. – Если бы у нее была вся пленка, то фотографий было бы больше, всяких разных. А у нее в пачках только два варианта, один с Губановым и подполковником, другой со всеми троими. Прикинь, книжная полка доверху набита несколькими стопками одинаковых фотографий. В общем, я исхожу из того, что Галина раздобыла две эти фотки и много лет их хранила в память о своем романе с Садковым.

– Годится, – согласился Петр. – А дальше как было?

– А дальше что-то произошло. Что-то такое, что заставило ее отдать фотки на оцифровку, чтобы иметь возможность их распечатывать в любой момент и в любом потребном количестве. У Галины съезжает крыша, и она находит особое удовольствие в том, чтобы выкалывать лица на этих фотографиях. И не все подряд, какие попадутся, а лица именно этих троих человек. Как накатит на нее – так она хватается фотки и начинает ножницами... В общем, в ихние хари тыкать, как у Чехова в рассказе про Ваньку Жукова.

– У Чехова – «ейной мордой мне в харю тыкать».

– Не важно, ты же понял, о чем я. Не придирайся. Что, скажешь, такое поведение – не признак психического расстройства?

– Признак, – снова согласился он.

Тут уж точно не поспоришь. Да, Галина Викторовна Демченко в источники надежной информации не годится никак. А жаль.

К десяти вечера дождь прекратился. Карина распахнула окно, высунула голову наружу, сделала глубокий вдох.

– Супер! – радостно воскликнула она и метнулась к шкафу доставать спортивный костюм. – Пробежусь перед сном.

Внимательно посмотрела на Петра и добавила:

– Тебе бы тоже не помешало размяться. Целый день сидишь, как музейный экспонат. Мозговое кровообращение нужно стимулировать.

– Да ну... Ты беги, а я пока подумаю, поработаю. Только недолго, поздно уже.

– Детское время! – беззаботно откликнулась Карина, зашнуровывая кроссовки.

* * *

С очередным визитом к Николаю Андреевичу Петр решил повременить, подождать, какие еще сведения о Галине Перевозник-Демченко придут от Каменской. Чем больше он размышлял, тем больше ему казалось, что отставной полковник водит его за нос. Ну как так может быть, чтобы человек тебя много лет люто ненавидел, а ты с ним даже не знаком и имени его не знаешь? Не бывает такого! Врет старик Губанов, ну точно врёт. Или, по крайней мере, умышленно скрывает. Но почему? И что именно он недоговаривает?

Письмо от Каменской пришло на следующий день. Галина Перевозник в 1984 году вышла замуж за Валерия Демченко, служившего в МУРе в должности начальника одного из отделов. На рубеже 1990-х начали развивать и укреплять подразделения по борьбе с наркотиками, и в 1993 году встал вопрос о назначении полковника Демченко на высокую должность в министерстве, в Управление по борьбе с распространением наркомании. Управление это создали в рамках Главного управления уголовного розыска, и состояло оно из двух центральных и семи межрегиональных отделов по борьбе с наркобизнесом. Назначение Демченко было согласовано, приказ подготовлен и лежал в Главном управлении кадров, ждал подписи. Но совершенно неожиданно на эту должность был назначен другой сотрудник. У Демченко случился срыв, он ушел в глубокий запой, допился до белой горячки, начал дома гоняться за женой и ее дочерью с табельным оружием. На крики, доносившиеся из квартиры, среагировали соседи, вызвали милицию. Обезвреживание буйнопомешанного прошло хаотично и безграмотно, в результате чего погибли два человека, одним из которых стал сержант патрульно-постовой службы, другим – сам Демченко.

«Это факты, – писала Каменская. – Они установлены и подтверждены документально. Но были и домыслы (слухи, разговоры, сплетни), которые подтвердить нечем. Однако я их изложу, чтобы Вы были в курсе. Говорят, что в конце 1980-х Демченко плотно сотрудничал с криминальными структурами. Проще говоря, крышевал бандитов, которые, в свою очередь, крышевали первых частных предпринимателей, появившихся с 1987 года. Имел пристрастие к азартным играм, зачастую много проигрывал в подпольных заведениях, влез в огромные долги. Назначение в Управление по борьбе с наркобизнесом дало бы ему возможность существенно поправить свое материальное положение, расплатиться с долгами, которые росли не по дням, а по часам, начать вести жизнь на широкую ногу. Если Вы помните, как раз примерно тогда открыли границы и разрешили всем гражданам получать загранпаспорта, так что можно было беспрепятственно выезжать за рубеж и ни в чем себе не отказывать. Демченко был уверен, что ничего не может сорваться, приказ о его назначении был готов, оставалось только дожидаться нужных виз и главной подписи. Он рассчитывал иметь свою долю с наркотрафика, уже были достигнуты предварительные договоренности с представителями криминала, задействованного в этом бизнесе. И вдруг все рухнуло. Долги по-прежнему висят, проценты нарастают еженедельно, а свирепого вида невежливые люди постоянно дают понять, что договоренностям обратного хода нет.

Если эта информация хотя бы частично достоверна, то понятно, почему Демченко сорвался и ушел в запой. Когда будете разговаривать с Губановым, попробуйте аккуратно расспросить его о том назначении. Вполне возможно, он имел какое-то отношение к тому, что вместо Демченко на должность назначили другого человека. По крайней мере, это могло бы объяснить, почему Галина так ненавидит вашего полковника».

Пока Петр обдумывал полученные сведения, пришло еще одно письмо, тоже от Анастасии Павловны: «И пару слов вдогонку. Я сама кое-кого поспрашивала, и оказалось, что о Губанове как раз в тот период прошел нехороший слухок: якобы он взял взятку за то назначение в Управление по борьбе с наркобизнесом. Слух, сами понимаете, непроверенный, но о нем мне сообщили из нескольких разных источников. От кого именно он взял взятку, от Демченко или от другого сотрудника, которого в итоге назначили, неизвестно. И было ли это на самом деле, неизвестно тоже. Просто имейте в виду».

Ну, совсем хорошо! И как же теперь разговаривать с Николаем Андреевичем, чтобы, с одной стороны, не оказаться обманутым, а с другой – не обидеть достойного человека нелепыми подозрениями?

* * *

Несколько дней дождливой мрачной погоды сменились сухими ясными днями, и из дома Петр Кравченко выходил в прекрасном расположении духа. Ему казалось, он нашел правильный тон для разговора с Губановым, и теперь предвкушал интереснейшую беседу. Самое забавное, что Петр чувствовал себя скорее сыщиком, нежели журналистом. Что ж, любая новизна только на пользу, как говорила ему когда-то Анастасия Павловна. Уж ей-то смена рода деятельности точно пошла во благо, он своими глазами видел.

На скамейке возле подъезда сидела с сигаретой тетка с первого этажа, рядом стояли магазинные пакеты с продуктами. Тетка была немолодой и разговорчивой, Петр постоянно видел ее здесь, хотя имени не знал.

– Добрый день, – поздоровался он, всем своим видом показывая, что останавливаться и вести светскую беседу не собирается.

С этой женщиной нужно было держать ухо востро: чуть зазеваешься – и она вовлекала тебя в разговор. Слова лились без малейших пауз, в поток невозможно вклиниться, и даже извиниться и попрощаться порой бывало затруднительно.

– Добрый, добрый, – она резким выдохом выпустила дым. – У твоей девочки, между прочим, ухажер завелся. Ты бы повнимательнее был, дружок.

Петр остановился как вкопанный.

– Какой ухажер? Вы о чем?

– Уж не знаю какой, но выспрашивал о ней очень подробно. С кем живет, чем занимается, куда ходит.

– Да откуда он взялся-то? – недоуменно спросил Петр.

– Сказал, что на пробежке ее увидел, разговорился, а телефончик спросить постеснялся. Знает только, что зовут Кариной. А она что же, не рассказывала тебе?

Он пожал плечами:

– О всякой ерунде рассказывать... Мало ли кто подойдет и парой слов перебросится. Случайное знакомство, такие каждый день происходят.

– Ну, видишь, тут парой слов явно не обошлось, – соседка злорадно прищурилась. – Похоже, твоя девочка ему в самое сердце запала, раз он ее до дома проводил и теперь вопросы задает.

– Ладно, разберемся, – отмахнулся Петр.

Все мысли его были сосредоточены на предстоящем разговоре с Губановым, но чем дальше он отходил от дома, тем назойливее жужжала в голове нарастающая ревность. Почему Карина не рассказывала, что познакомилась с кем-то на пробежке? Даже не упомянула о новом знакомом! И вообще, в последнее время, кажется, она начала бегать даже в неурочное время... Нет, это все полная ерунда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.